

МАНЯ и ВОЛК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ашита Скай

18+

Амита Скай

Маня и Волк

<https://litres.ru/72293674>

SelfPub; 2025

Аннотация

Покупка дома чистая авантюра.

Появились деньги и я ухватила первое, что попало на глаза, иначе всё уплыло бы к родителям, которые всегда знают лучше, куда их потратить.

Игрушечный домик в дачном посёлке казался началом сказки.

Но на соседнем участке вырос дворец, а его хозяин внезапно решил, что ему нужен не только мой кусок земли, но и я сама в комплекте.

Он не привык слышать нет.

А я не привыкла отказываться от мечты одиночества, семи кошек, пары собак и вечеров в компании дорам и ужастиков.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	66
Глава 8	79
Глава 9	89
Глава 10	104
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Амита Скай

Маня и Волк

Глава 1

Как только мы продали с братом доставшуюся нам от бабушки квартиру и разделили деньги пополам, я совершила очередной наиглупейший поступок, перекрывший все предыдущие мои «заслуги» (по мнению мамы) – купила дом, точнее дачу, в небольшом микрорайоне, который был раньше дачным поселком, а теперь стремительно разрастался новенькими современными коттеджами. Раньше у бабули тут находилась дача, где прошла счастливая часть моего детства, но отец ее продал, потому что ухаживать за ней было некому, и она за пару лет заросла так, что никто не решился браться на борьбу с бурьяном. Решение это прошло мимо меня, я о нем узнала уже по факту.

Получив достаточно большие деньги на руки, я поняла, что если быстро не найду им применения, то мамуля вытянет их из меня под благовидным предлогом и ищи потом свищи справедливость в этом мире. И тут не иначе как велением судьбы я встретила бабулину подругу и бывшую коллегу с ее дочерью, от которой узнала, что они подумывают продать дачу, но бабушка не хочет, боится, что домик, где каждое

окошко сделано руками деда, снесут, и я, конечно, предложила свою скромную кандидатуру и даже пообещала пускать их в гости.

Это была авантюра чистой воды и на ровном месте. В какой-то момент я даже подумала, а не дурь ли я сейчас совершаю... Маман бы подтвердила, что дурь, но ее мнением я не планировала интересоваться в этом вопросе. Тетя Оля несколько раз переспросила у меня, уверена ли я, тем более я ей рассказала откуда у меня деньги, и она волновалась, не приняла ли я это решение необдуманно... Ну, конечно необдуманно, но разве не так совершаются самые интересные наши поступки? В общем, я решила романтизировать свою глупость и убедила ее, что все в порядке и я все равно планировала купить дачу, и в этом, кстати, заключалась доля правды, потому что денег на полноценную квартиру у меня не имелось, брать ипотеку я боялась, а потребность съехать от родителей была уже невыносимой.

Год назад я вернулась из столицы домой, чтобы ухаживать за бабушкой, сломавшей ногу, и все это время жила в основном у нее. Это было неплохое время, если не брать в расчет, что бабуля заглядывала в мою комнату каждые полчаса и спрашивала, как дела и что я ела, а еще ночами занималась какой-то бесовщиной со своим вредным котом Тишкой. Тот не спал по ночам и лазал по кухне, роняя чашки и требуя еду, а она не могла не откликнуться на этот зов. В итоге эти двое испортили сон и мне. Теперь ночами я работала и ела,

а днем спала, как бабуля и кот, но в один из дней бабули не стало, пришло время продавать квартиру, и мы наняли рабочих, чтобы те немного подлатали квартиру. Вот и пришлось мне с котом перебраться к родителям.

Кот своим привычкам изменять не стал, а на фоне стресса из-за нового жилища засрал квартиру родителей, и те несколько раз порывались выбросить пушистика, но я не давала, обещая, что скоро мы съедем и я его увезу.

– И куда ты собралась? – возмущалась мама, жаря сырники у плиты в своем разноцветном фартуке.

– Сниму квартиру.

– Зачем?

– Ма... – Думаю, честный ответ она услышать не хотела, но наверняка знала, что я не рискну сказать ей в лоб, что жить с ними я не хочу.

– Что ма? Живи с нами, комната твоя пустая.

– Не... я уже привыкла одна.

– Хватит тебе глупостями страдать и деньги разбазаривать. Живи с нами, работай, вместе дом в деревне достроим, эта квартира вам с братом достанется, а мы с отцом туда уедем.

Ну да, знаю я эту басню и этот жрущий деньги долгострой. Мама от своей работы никуда и никогда не уедет, поэтому домик этот не более чем развлечение и мечты, они его строят уже больше десяти лет и будут строить еще столько же, требуя попутно помощи в стройке и на огороде, и почему-то

преимущественно от меня, брату всегда удается как-то филигранно улизнуть, а у младшей сестры при слове огород обостряются все самодиагностированные хронические заболевания.

Идея с дачей давно крутилась у меня в голове, потому что я недавно получила права и купила подержанную, но заботливо всю перебранную, очень резвую буханку-уазик со спальным местом в дальней части кузова. Вообще это был отчаянный шаг, потому что я знала, что с родителями долго не протяну. А если вдруг мне совсем некуда будет податься, то я себе навоображала, что смогу жить в буханке... Но стоило съездить на ней в поход с друзьями и попасть там в ливень, я поняла, что жить в ней лучше в ясную погоду, без осадков, поэтому когда подвернулось предложение с дачей, я ухватилась за него мгновенно. Можно было, конечно, рассмотреть и другие варианты, но я боялась совершать сделки с незнакомыми людьми, мало ли что... Плюс это ж нужно поехать, посмотреть, и не факт, что подойдет, это все потребует немало времени, а тут я знала, как выглядит эта дача, и она была как раз тем, что мне нужно, плюс этот дачный микрорайон мне известен от и до и находился в противоположной части города от дома родителей. То есть максимально далеко в рамках одного города, и это как раз то, что мне нужно.

– Наш сосед просил дачу продать, предлагал больше, но мама не согласилась, по нему ведь понятно, что он своими

экскаваторами на следующий же день снесет дом, – пожаловалась тетя Оля, – но теперь наш домик в надежных руках. Ты уж за ним присмотри, Манюш, если что – звони, я Вовку к тебе отправлю, он поможет, а то ты ж одна.

– Одна?

– Ну, в смысле не замужем?

– А, ну да, не замужем, – пришлось выдавить улыбку и задать дополнительный вопрос, чтобы отвлечь знакомую от моего семейного положения, которое, кажется, всем окружающим не давало покоя.

Тетя Оля благополучно отвлеклась, но я рано праздновала победу, к моменту, как мы обсудили ее катаракту, она снова вспомнила, что у нее Вовка не женат, а я таки, конечно, невеста на выданье.

– Он у меня хороший и работа у него хорошая, и образование. За компьютером только сидит, некогда выйти и познакомиться, – пожаловалась тетя Оля на тяжелую долю.

– Да уж, от этих компьютеров и зрение портится, – поддержала я ее, решив соглашаться со всем на свете, дабы завершить сделку на хорошей ноте, но это была неправильная стратегия, потому что я стала ей казаться идеальной невесткой, и к концу оформления документов она мне Вовку своего сватала уже не стесняясь, рассказывая, какие они будут хорошие свекры и совсем не будут лезть в наши отношения.

Красная как свекла я отнекивалась как могла, пока не выдвинула своей главный аргумент, который будущая свекровь

видимо не заметила.

– Я толстая, он-то у вас вон какой красавец. – Вообще Вовчик не был красивым, но я решила подбодрить тетю Олю, чтобы она уже наконец подписала мне документы.

– Да какая ж ты толстая, Маша?! – воскликнула женщина на весь кабинет юриста, который уже и сам не чаял, когда мы от него выйдем.

В общем, на мою новоприобретенную дачу меня повез Вовчик, которому позвонила тетя Оля и, видимо, нашипела что-то настолько проникновенное, что бедный парень примчался спустя десять минут с отпечатком подушки на щеке, опухшим от сна лицом и торчащими волосами, застывшими в том положении, в котором лежали на подушке.

– Он тебя отвезет и все покажет, а мне уже на работу пора, – улыбаясь самой своей милой улыбкой, распрощалась тетя Оля и, опасно прищутив глаза, зыркнула на сына так, что стало ясно, без внуков ему лучше дома не появляться.

– Смотрю, обложили тебя со всех сторон, – хмыкнула я, садясь в его машину. – Требуют жениться.

– Угу. – Вовка горестно вздохнул и завел машину, а я, обернувшись, заметила у него маленький гвоздик в ухе.

На дачу мы приехали, когда солнце почти закатилось за горизонт. Вовчик мне понравился тем, что не обременял ни себя, ни меня неловкой беседой и ненужной вежливостью, мы всю дорогу ехали молча и оба были этим довольны. Интересно, можно найти взаимопонимание молча? Тогда мне

показалось, что можно.

Домик был маленький, но очень хорошенький. Кирпичный первый этаж и высокая крыша со вторым этажом и окошком. Я знала, что с другой стороны, выходящей на лес, есть балкончик.

– Балкон отец заколотил, – пояснил Вовчик, когда мы обходили дом по кругу.

– Зачем?

– Там постоянно кто-то гнездо пытался свить, решили закрыть, да и вторым этажом никто почти не пользовался.

Из-за того, что было темно и комары стремительно слетались на вкусный ужин из нас, пришлось зайти в дом. Простенько, но уютно. Ничего сломанного или покосившегося. Небольшая кухня с резными окошками, смотрящими на ворота, небольшой квадратный зал с камином, вызвавшим у меня приступ восторга, о нем я, честно говоря, не знала, а сбоку от камина небольшая ниша с диваном-книжкой, который я решила как можно быстрее заменить на нормальную кровать. Правда, радовалась я недолго, оказалось, что туалет на улице.

– Да ладно?!

– Да. – Вовка виновато пожал плечами. – Хотели септик ставить, да не нужен никому этот дом, так что ты теперь сама, зато мама тут душ успела сделать, вода из колодца, но бойлер нормально греет, а еще газ есть, электричество и интернет. – Парень, оглядывавший пространство, посмотрел наконец на

меня и как-то тепло, по-дружески улыбнулся. – Жить можно. Ты ведь жить тут планируешь?

– Угу... – Ходить, правда, на улицу в туалет я не планировала... но жизнь как всегда вносит свои коррективы. Хотя этому уютному крошечному домику я готова была простить эти неудобства.

– Ну и отлично. Я и сам сюда думал перебраться, но мать бы тогда ездила сюда все лето и заставляла сажать огород, а мне оно не надо.

Я посмотрела на него глазами, выражающими полное понимание его боли и сострадания, мы рассмеялись и обменялись телефонами на всякий случай, вдруг что с бойлером случится, я ж ничего ни в электрике, ни в остальном не соображаю. Он отдал мне ключи и отвез домой.

Душа пела и хотелось улыбаться. Придя домой, я не смогла дотерпеть и с вечера начала собираться, так мама и узнала, что я сделала. Крик поднялся такой, что я едва не уехала в этот же вечер на дачу, но папа не дал довести ситуацию до этого и развел нас по разным комнатам. Слова пощечинами остались в душе, и я лишь утвердилась в том, что это было верным решением. Я собирала вещи под крики мамы в соседней комнате.

– Ты, Тишка, не вешай нос, завтра в настоящие джунгли с тобой поедем, – разговаривала я с настороженным котом, прислушивающимся к крикам в соседней комнате и наблюдающим за моими судорожными сборами вещей.

Если бы маме не нужно было утром на работу, думаю, так просто я бы не уехала из дома. Уходя на смену, мама гремела всеми дверцами, звенела посудой, но разбудить меня у нее не вышло, я решила, что буду симулировать сон несмотря ни на сильнейший зов природы, ни на мамины сигналы к завтраку.

Несколько лет я жила одна и уже отвыкла от слишком близкого контакта, от которого коротило нервную систему и выбивало пробки, поэтому, как только дверь за родителями закрылась, я подпрыгнула с постели и, сбегав в туалет, принялась за сборы. В голове мелькнула мысль, что, возможно, стоило вообще в другой город переехать или вернуться в столицу, но почему-то не хотелось в съемное жилье, тем более у меня сейчас неплохая дистанционная подработка и рваться обратно не было смысла. Возможно, стоило взять паузу и подумать, как быть дальше, тем более после покупки дачи у меня остались деньги и можно немного расслабиться... я так давно не была в отпуске, точнее сказать, никогда в нем не была, что, возможно, сейчас то самое время, когда стоит наконец выдохнуть.

Глава 2

По специальности я не работала. Юридическое образование оказалось для меня просто бесполезной корочкой, хотя при приеме на работу в очередной магазин она стала приятной галочкой в графе образования. Мамино разочарование. Она видела меня юристом или каким-нибудь чиновником, но не получилось ни то ни другое. Была просто я. Желая оторваться от нее как можно дальше и жить свою не самую удачно складывающуюся жизнь самостоятельно. Поэтому, как и всегда, я сосредоточилась на повседневных задачах, стараясь не думать о том, что будет дальше, потому что в моем «дальше», по мнению родителей, ничего хорошего. Ну разве не повод жить одним днем?

Труднее всего оказалось поймать кота, который заныкался где-то в глубине квартиры и ни на какие «кыс-кысы» не реагировал.

– Выходи, мохнатый свин! – разговаривала я с ним, расхаживая по квартире. – Никто, поверь, не будет любить тебя так же, как я!

Кот не отзывался, и я уже подумывала оставить его тут, но в последний момент, когда я уже выносила сумки в машину и вернулась за последней, паршивец вылез из гардеробной и, вальяжно продефилировав мимо меня, забрался в переноску и улегся там, словно говоря: «Можешь нести меня, кожаный»

раб, я готов».

– Ну спасибо, ваше величество.

Застегнув переноску, я заглянула в шкаф, чтобы забрать свои куртки, и почувствовала запах кошачьего «сюрприза».

– Ах ты скотина мохнатая! – наклонившись к переноске, ругалась я. – Вот оставлю тут, они тебя быстро на колбасу пошинкуют! Такого толстого! Не веришь?! – Кот зевнул и, пристроив голову на передние лапки, решил и дальше игнорировать мое существование.

Вымыв шкаф, я, вся взмыленная, наконец вышла из дома, закрыла двери и, спустившись с пятого этажа, села в свою ласточку. Хотелось выдохнуть и посидеть в тишине, дать себе время перевернуть страницу, но за мной попытался припарковаться сосед, и я решила освободить бедолаге место.

– Ну че, Тиш, начинаем новую жизнь?

По дороге в наш новый дом заехала в магазин, прикидывая, что мне еще туда нужно, почему-то из памяти повылетало вообще все, что есть и чего нет в доме, в голове была лишь мокрая крыша, алая от падающего на нее света закатывающегося за горизонт светила, а еще закрытые ставни и высохшая лоза. Надо бы ее снять, как только приеду, и ставни открыть. По телу бегали электрические разряды, хотелось подпрыгивать и подпевать. Подпрыгивать я не решалась, а вот подпевать какой-то незатейливой песне по радио вполне.

Свернув по дороге в торговый центр, я затарилась постельным бельем, одной подушкой и тонким матрасом.

Предстояло купить нормальную кровать, но пока ее нет, обойдусь матрасом на диване. Еще купила большой светильник, светлый, с рисунком немного выцветших цветов. К нему тюль на окна, прозрачную кастрюлю, которую давно хотела, и сковороду, пузатый чайник с земляничками, длинный тройник и несколько дешевых дорожек, связанных из переработанной ткани. Потом вспомнила о том, что неплохо было бы убраться, и набрала перчаток, порошков, чистящих средств, мыла и шампуня. В общем, отвела душу, радуясь тому, что еще осталась небольшая, но приятная сумма после покупки домика. Шопинг закончился мягкими тапочками для дома больше похожими на плюшевые игрушки и пусть походным, но очень удобным креслом.

Таща набитую доверху тележку, я заметила мужика, ходившего вокруг моей машины и громко возмущавшегося.

– Ну надо же! Явилась! – возопил блаженный, заметив меня. – Тебя парковаться не учили?! Ты сразу два места заняла!

Подъехав к задним дверцам в машине и открыв их, я начала перекладывать содержимое тележки в машину, пока рядом со мной возмущался мужик, изгаляясь в красноречии. Не видя никакой реакции на свои слова, он начал запинаться и сбиваться с мысли. Закончив разгружать тележку, я достала наклейки для машины, которые приобрела на кассе, закрыла одну из дверей и наклеила желтый квадратик с восклицательным знаком на стекло. Мужик к тому моменту уже умолк и просто молча следил за мной. Как только я разгла-

дила знак и обернулась, чтобы отвезти тележку в сторону, он как-то странно посмотрел на меня, собираясь с мыслями, чтобы что-то сказать, но, видимо, передумал.

– А где твой значок?

– Какой еще значок? – не понял мужик.

– Ну, что ты инвалид по зрению, – вскинув руку, я показала на огромное свободное пространство за его спиной. – Там пустая парковка, ее только слепой не заметит.

Ответ на свою реплику я ждать не стала, развернулась и направилась в машину.

– Я бы на твоём месте отъехала чуток в сторону, а то габариты машины не очень чувствую, могу случайно и в твою въехать.

Он что-то сказал, но я не расслышала. Мужик машину отогнал в сторону, и я выехала, подмигнув ему на прощание. Обычная внешность. Лет, наверное, тридцать пять – сорок. Судя по рукам, кажется, не женат. Только вот зачем мне эти подробности, я не знаю. Наверное, это чисто женское, автоматическое сканирование потенциального кандидата. Ничего не могу с собой поделать, хотя давно решила, что замуж не выйду, лучше жить одной, чем так, как мои родители, а я почему-то была уверена, что у меня будет так же, как у них. При этой мысли передернула плечами.

Придерживаться своего решения мне помогала моя не самая привлекательная внешность. Если с лицом мне повезло, то вот с ростом и весом не очень.

Свернув на обочину, я остановила машину недалеко от заправки и нескольких выстроившихся в ряд магазинчиков. В одном я купила себе две бутылки пива, тут могло быть более элегантное и достойное культурной девушки вино, но будет не достойное и не элегантное просто пиво. Взяла еще сушеной рыбки, кальмаров и пакетик фисташек. При мысли о том, как я вечером поставлю креслице на небольшую веранду, вытащу пиво из холодильника, возьму кальмары и фисташки и все это съем, пальцы на ногах поджались от блаженства. Господи, еще бы с умным и задумчивым видом затянуться сигареткой, выпустить дым в воздух с лицом повидавшего жизнь, разочаровавшегося циника, но мой организм сигареты ни в каком формате не принимал, а от запаха электронных мне вообще дурно, алкоголь еще как-то терпел, но тоже со скрипом, потому придется без прокуренной эстетики насладиться бранным бытием одинокой двадцатишестилетней женщины... или еще девушки? Лучше, наверное, женщины. Хочу, как Джейн Эйр, надеть чепец, типа я старая женщина, и чтобы все от меня отстали с ожиданием, когда я выйду замуж и нарожаю детей. Или это было не в "Джейн Эйр"? Ну не суть важно.

Прикупив в соседней палатке свежую селедку, черный хлеб и картошку, я вернулась в машину, но потом снова вылезла. Все же совсем без печенок как-то грустно. Десять минут в пути, и я свернула на дорогу в наш то ли микрорайон, то ли дачный поселок и остановилась на светофоре. Настро-

ение было отличное. Пальцы сами собой барабанили по рулю в такт песне, а я еще и пританцовывала, подпевая кое-как песне на английском, но веселье прогнал раздраженный клаксон. Встрепенувшись, я нажала на газ и бросила взгляд на зеркало... знакомая машина... он что, меня преследует?

Настроение немного испортилось, и сделав музыку потише, я поехала к дому, поглядывая на боковое зеркало. Вскоре хам меня обогнал, явно превышая скоростной режим, и умчался куда-то вдаль, позволив мне выдохнуть и избавиться от подозрений в преследовании, но радовалась я недолго, потому что заметила знакомую машину рядом со своим забором.

За следующие сорок минут я узнала, что именно этот мужик собирался выкупить участок, который я приобрела. Точнее он работал на того, кто его пытался купить. Узнав за сколько я его купила, мужик побелел от гнева и попытался у меня его перекупить, даже цену назвал такую, что я бы возможно согласилась, не веди он себя как распоследняя скотина, а так просто из чувства мести отказала, да и настроилась я уже на этот дом и бывшим хозяевам пообещала, что не продам их теремок. Потому, хлопнув дверью и проскрежедав воротами так, будто это калитка в царство сатаны, я ему отказала и с чувством выполненного долга взялась за инвентаризацию всего что есть в доме и за уборку, но перед этим заварила чай с лимоном и, закинувшись парочкой печенек, посидела в новом кресле на веранде, рассматривая огород, с

которого не так давно сошел снег, а новая травка уже тянула тоненькие иголочки к небу.

Воздух тут был невероятный, а еще тишина и звуки леса. Весна-а-а. Стоило прикрыть глаза, как чувства обострились вдвое и можно было почувствовать, как дышит мир, а голубая небесная линза кажется такой огромной, что кружится голова.

Посидев и помечтав, подкрепившись печеньками, я выпустила кота изучать новую территорию, а сама, переодевшись в старые джинсы и толстовку, взялась за дело, от которого бежали мурашки в предвкушении – уборку. словно в Нарнию, я нырнула в свой новый дом, разбирая хлам, перебирая вещи, определяя, что на выброс, а что еще пригодится. Через пару часов моя многострадальная спина уже отваливалась, и я с трудом разгибалась, но не собиралась останавливаться и решила добраться еще и до второго этажа.

Чтобы открыть дверь, пришлось повозиться, но я смогла, и даже бывшим хозяевам звонить не пришлось. Наверху барахла оказалось гораздо больше, и я даже подумала отложить его разбор на завтра, тем более комната была очень захлавленной, но все же решила самое большое и ненужное, что мешает двигаться по комнате, выкинуть уже сейчас, а завтра доразобрать остальное.

Какие-то доски, плинтусы и провода, ящики от разобранного шкафа, все летело через окно на улицу, пока наконец я не решила, что достаточно, тем более лампочка на втором

этаже перегорела, и я просто не видела ничего в стремительно сгущающихся сумерках.

На душе было спокойно и радостно, до тех, правда, пор, пока я не увидела количество пропущенных звонков от мамы, а еще сообщения. Грудь знакомо ошпарило кипятком, а желудок на мгновения сжался так, словно пытался стать камнем. Вдохнув и выдохнув, набрала маме сообщение, что убиралась и ничего не слышала. Сегодня для себя решила не говорить им, где конкретно я купила дом, чтобы они не приезжали... Возможно, подло, но я совершенно не хотела слышать о месте, в котором у меня пела душа, слова вроде «что это за дыра?», «тебя обули как идиотку» и прочее. Почему-то, несмотря на все мое сопротивление и выстраиваемые защиты, мамины слова всегда попадали прямо в цель, пробивая все щиты, поэтому решила просто не говорить где я. Не знаю, правда, чего мне будет это стоить.

Мама попыталась позвонить, но я не ответила, записав голосовой ответ, что тут плохо ловит сеть и я не могу ответить. Следом прилетело сообщение с избытком восклицательных знаков. Настроение стремительно портилось, поэтому, отложив телефон, я включила бойлер, достала новое полотенце, любимую пижаму с удобными штанами и широкой футболкой и забралась в душевую. Вода шла с перебоями, но помыться мне все же удалось. Замотав мокрые волосы в полотенце, я решила сварить-таки купленную картошку и провести вечер как планировала, с бутылкой пива и рыбкой. В ка-

кой-то момент в голову закралось подозрение, а не многова-то ли для столь поздней трапезы, но я была такой голодной, что решила грызть себя за лишние калории завтра... ну или послезавтра... ну или после, послезавтра, никогда.

Пока варилась картошечка, я почистила нежнейшую селедку, нарезала ее и разложила в тарелке, залив маслом. Нарезала черный хлеб, вынесла все это на веранду, а еще две свои бутылки пива и закуски к нему. Божечки, это было очень вкусно! Жаль, не удалось запихнуть в себя вообще все, хотя я старалась. Наевшись и немного замерзнув, я закрыла двери, оставив кота на улице, дабы тот не будил меня среди ночи, а то я еще то ссыкло, могу проснуться ночью и испугаться спать в доме. Очень важна была первая ночь и крепкий сон. Благо две бутылки пива и выматывающая уборка обеспечили мне его до утра.

Глава 3

Утро было солнечным, но холодным, а еще сопливым. Горло немного опухло, но все это не могло испортить мне настроение, несмотря даже на то, что пришлось часа в четыре утра найти что-нибудь еще, чем можно накрыться. Этим чем-то оказался старый ватный матрас... Возможно стоило поискать что-нибудь почище, но спящий мозг нашел единственное рациональное решение в тот момент и мгновенно привел его в действие. Накрывшись матрасом, я мгновенно согрелась и снова заснула, проснувшись уже в шесть утра покусанная клопами, но зато тепленькая.

Вылезать из-под матраса не хотелось, но конвектор все же стоило включить, поэтому, сбросив клопий домик на пол и закутавшись во все одеялки и плед, вместе с покрывалом я таки добралась до конвектора, который из-за вчерашнего теплого вечера оставила включенным на двоичку, выкрутила его на максимум, еще для надежности включила круглый газовый обогреватель. Купила его сто лет назад просто потому, что точно такой же был в любимом аниме... Ни ума, ни фантазии, конечно, в принятии решений, но теперь я была собой довольна, потому что и смотреть на него приятно и ледяные ступни греть тоже, тем более второй раз забраться под старый матрас я не решилась, все же мозг уже работал адекватно. Большой адекватности ему придавали покусанные ляж-

ки, которые расчесывая, я думала о том, что стоит потеплее одеяло купить... Это что-то совсем не теплое, или плед потолще, да еще и носки какие-нибудь вязаные, и еды я вчера не то чтобы много купила и что сумела, то в себя уже затолкала, а еще вчера так и не добралась до туалета, и что-то мне подсказывало, что вид там будет мало вдохновляющим.

Так оно и вышло. Запах был несильный, но все равно неприятный, садиться на деревянный кружок с дыркой я бы в трезвости не решилась, да и не в трезвости тоже. В общем, пришлось ехать.

Голодный и обиженный кот с колючкой на макушке и на хвосте рассерженно бегал вокруг меня и орал так, будто я его вчера обрекла на верную гибель.

– Ну прости, мохнатик. Очень уж мне спать хотелось без твоих воплей.

Вообще перед котом было совестно, конечно, так-то на улице дубак, потому искупления греха ради и для успокоения совести для поделилась с ним, помимо корма, кусочком ветчины, можно сказать, от сердца оторвала, но кот ее презрительно понюхал и отвернулся.

– Ой, ну простите, ваше величество. – Забрав у кота презренный кусок ветчины, подула на него и решила запихнуть в рот, но все же некие остатки благоразумия возопили во мне в последний момент и колбасу я передумала есть, еще больше разозлившись на кота за такое пренебрежение. – Вот не куплю тебе больше вкусняшек, волосатый свин!

Доев селедку и пожарив остатки вареной картошки с яйцом, запихнула в багажник ненужный мусор и, огласив округу надрывным скрежетом ворот, выехала на дорогу. План был такой: купить одеяло, носки, кое-что из одежды, закупиться едой, которая долго хранится, вчера продуктов слишком мало купила, еще нужны лопата и топор, а еще клеенка или вообще хоть что-то, что поможет привести в божеский вид туалет, хотя вряд ли ему что-либо поможет... Может, купить красивый деревянный туалет с сердечком на двери? Я такой в хозяйственном магазине видела, но вряд ли это сердечко меня согреет зимой, когда придется бегать в туалет на улицу.

В итоге, добравшись до строительного магазина сразу после продуктового, сытая и довольная, я расслабилась и взяла и купила септик... Гулять так гулять! При этом понятия не имея, где вообще его размещать и как устанавливать, и сколько это стоит, и вообще, мне как минимум унитаз нужен! Приехав домой, я поняла, что, помимо унитаза, нужно место в самом доме для унитаза! А его нет! Его просто негде ставить. Септик обещали привезти завтра, а у меня на заднем дворе свалка и ни одной мысли, как его вообще подключить.

Запаниковав, позвонила по первому попавшемуся объявлению и договорилась об установке. Потом начала думать, а где вообще будет унитаз, вызвонила еще какого-то мастера, который сразу понял, что я идиотка, и дал понять это мне.

– Тут нет коммуникаций для унитаза... – посмотрев на меня как на блаженную, констатировал коренастый мужичок, осмотрев мой домик.

– Да?.. Эээ, а как их подвести?

Мужик вздохнул и стал мне говорить много непонятных слов. Точнее, по отдельности они были понятные, а вместе – нет, но я все равно на всякий случай кивала. Планировка у дома была такая, что унитаз поставить было негде, либо пристройку делать, либо устанавливать его рядом с лестницей... по сути в центре дома. Лестница располагалась сразу же на входе. Заходишь, справа ступеньки вдоль стены, под которыми у самой стены кровать, огороженная тонкой стеночкой, так чтобы с улицы ее не было видно, перед этой стенкой стоит старенький шифоньер, слева кухня, круглый столик, камин и диван, а за диваном хозяева, немного отщипнув от зала, сделали душевую...лучше бы они сортир там сделали!

Мужичок, поняв, что деньги у меня есть, а мозгов нет, с умным видом обошел весь дом, забрался как-то в подпол и констатировал, что если я не хочу вместо аккуратненькой, исправно работающей душевой ставить унитаз, то можно установить его под лестницей. Убрать шифоньер и на его место поставить унитаз... это фактически центр дома.

– Но... но как же...

– Ну, стеночкой потом обнесешь и не видно будет, а куда тут тебе его ставить? Можно в комнату, где диван стоит, но спать-то ты где собираешься?

Не знаю, почему я не додумалась тогда, что спать вообще-то могу и на втором этаже, видимо от паники мой мозг отказался рационально думать, поэтому решила, что лучше в тепле, чем на улице... а туалет я придумаю, как потом спрятать... Следующие дни показались мне агонией. Во-первых, постепенно критическое мышление ко мне вернулось, но не в вопросе планировки, а в вопросе денег. Я поняла, что меня сейчас не в прямом, а в переносном смысле разденут и разуют, если не начну думать своей головой, поэтому, озвучив, что на все про все у меня пятьдесят тысяч, и вот как хотите, так и втискивайтесь в этот бюджет, а нет, тогда вообще пока септик ставить не буду. Унитаз и комплектующие тоже сюда же, в итоге мужик все же втиснулся в эту сумму. Унитаз он в моем сарае нашел, видимо прошлые владельцы тоже грезили нормальным туалетом, заменил там несколько деталей в бачке и докупил трубы. Во-вторых, подведение коммуникаций к унитазу стоило остатка нервных клеток.

Так спустя четыре дня я стала обладательницей работающего унитаза в центре дома, фактически напротив входной двери. Когда рабочие уехали, я сначала смеялась весь вечер, а потом рыдала, потому что унитаз в центре дома! Напротив входной двери! Теперь сидя на своей живописной веранде, я буду знать, что на входе меня встретит сортир... Это и радовало, и огорчало одновременно. Проплакав полночи в обнимку с котом, не желавшим меня утешать своим урчанием и не желавшим даже обниматься... добровольно... утром я

пересчитала свои денежные запасы, замерила, насколько выпирает унитаз, и поехала в строительный за решением своих проблем.

Что нас не убивает, то делает нас сильнее! И сортир точно меня не убьет! Он сделает меня сильнее. Так я решила для себя, а еще решила, что больше не буду платить всяким проходимцам и буду делать все сама, у меня дом как-никак, тут всегда будет все ломаться, поэтому уже сейчас нужно привыкать самостоятельно заботиться о доме, тем более я планирую прожить всю жизнь в одиночестве, в окружении семи котов и двух собачек. Кто-то же должен будет защищать меня и котиков?

Купив шуруповерт, лобзик, гвозди и мебельные щитки, я соорудила за пару дней угловой шкаф, потому что унитаз мы разместили в углу между лестницей и тонкой стенкой, отделявшей спальный диван от зоны напротив входной двери. Изначально я думала сделать просто шторку от угла до угла, но если подниматься по лестнице, то сверху был бы виден унитаз, да и просто шторка смотрелась бы совсем нелепо. Несмотря на кажущуюся простоту сборки, повозиться все же пришлось, в основном с подгонкой деталей и крышкой шкафа, потом долго не могла приноровиться к шуруповерту, потом дверцы повесила косо, в общем этот шкаф надолго запомню, но я себя утешала приобретенным бесценным опытом. Что-то мне подсказывало, что меня еще много ждёт впереди бесценного опыта...

В целом шкафчик получился миленьким. Дверцы я взяла жалюзийные и сам шкаф покрасила в глубокий зеленый цвет, темный и насыщенный, к нему я позже даже решила сбоку зеркало повесить и небольшой метровый шкафчик пристроить с такими же дверцами, как у шкафа, там разместила косметику, которой я почти не пользуюсь, крем, расческа и фен. Старый шифоньер разобрала и отнесла на второй этаж.

Пока я занималась своим домом, за забором строился сосед. Причем строился быстро и очень близко к забору, как объяснил мне хамоватый прораб, с которым я столкнулась на парковке. Они планировали купить землю с моим домом, тогда бы их дом стоял как положено. Попытка делегировать мне ответственность за чужие ошибки провалилась, как и несколько предыдущих попыток выкупить у меня землю. Почему-то я вцепилась в этот дом как клещ, хотя сумма мне предлагалась интересная, но я не согласилась, потому что уже полюбила этот дом и вообще пообещала бывшим владельцам, к тому же меня бесили прораб и хозяин дома, которого я еще не видела, но он был виноват в нарушении режимов тишины и шума, порой его рабочие шумели и ночью, не останавливаясь со своей безумной стройкой. Пришлось дважды звонить в полицию и писать жалобы.

А еще этот дом я как могла прятала от родителей. Изначально, когда его покупала, я, конечно, решила, что ничего им не скажу, но в глубине души такой уверенности не бы-

ло. Я подумывала пригласить их в гости через пару месяцев, но теперь, с каждым прожитым днем, пускать их на свою территорию хотелось все меньше. Мама восприняла это как личное, самое тяжелое оскорбление. Сначала она со мной не разговаривала месяц, а отец и сестра на регулярной основе информировали меня о состоянии ее здоровья, хотя я не спрашивала, но они, очевидно, всеми силами пытались пробудить мою совесть к жизни, перечисляя перечень обострившихся заболеваний, спровоцированных моим бессовестным поведением, и мне правда было стыдно и неловко, я писала маме, пыталась даже несколько раз ей позвонить, но все заканчивалось ссорами и фразой «ой живи как хочешь!», но почему-то «жить как хочешь» все равно оставалось преступлением, несмотря на формальное разрешение.

Ситуация словно чирей росла день ото дня и зрела, готовая взорваться, и каждый день я подумывала сдаться, написать маме и пригласить в гости, но потом садилась на пенек, который не хватало сил выкорчевать, и смотрела на дом... на такой маленький и уютный. С чистыми окошками, новыми шторками, с пока еще пустыми горшочками на открытой веранде, где на днях появилось кресло-качалка, купленное с рук на авито за смешные деньги, а еще столик из деревянной коробки из-под фруктов, а на нем стопка книжек и упаковка печенья. Я не хотела привозить сюда никого, потому что тут мне было хорошо и спокойно, тут мой дом и тут поет моя душа, а мама приедет и скажет: «Что за говно ты купи-

ла? Обули тебя как дурочку, бестолочь», а если еще узнает, у кого я его купила, может вообще позвонить и потребовать обратно деньги. От одной только мысли об этом становилось дурно... все внутри сжималось в комок и давило болезненно куда-то вглубь живота.

Я знала, что на все эти грубые слова могу ответить, как-то сказать: «А мне здесь нравится! Тебе не нравится, не приезжай!» или «Посмотри какой лес потрясающий за домом, как птицы тут поют...», но мои слова казались мне легкими и невесомыми словно ветер, они словно совершенно ничего не могли противопоставить маминым словами, которые ощущались пробивающими насквозь стрелами, бьющими точно в цель. И я знала, что, как только мама уедет, мне покажется, что дом мой будет уже какой-то не такой, я буду понимать, что нельзя так думать, но внутри кто-то неумолимо покорно согласится, будто у меня нет выбора не соглашаться, и эта неизбежность злит, в итоге наше с ней общение похоже на взаимодействие двух коротящих розеток, готовых вот-вот ударить током.

Дабы как-то загладить свою вину и заглушить грызущее чувство вины, пришлось чаще, чем обычно, мотаться на мамин огород и, вместо того чтобы заниматься своим домом и своим огородом, после работы торчать там до позднего вечера, по темноте волоочь потом домой, но один только вид моего домика, еще не тронутого злыми словами, чудесным образом что-то воскрешал во мне и улыбка упрямо выполза-

ла на лицо, потому что, несмотря ни на что, я так и не сдалась и никого сюда не пустила, и от этого тоже было немножко радостно, хотя за эту радость было чуть-чуть стыдно.

А еще неожиданно позвонила подруга и позвала баристой в ее кафе.

– Кать, но я не умею...

– Не парься, я тебя научу! Тут нетрудно. А еще знаешь... – голос подруги стал тихим и взволнованным. – Тут рядом спортзал крутой, столько красавчиков ходит, и все мимо нас. У них там правда свое кафе зожное есть, но и к нам заходят, так что вдруг и тебе кого...

– Кать!

– Ну а что?!

– Не знаю. Я тут пока...

– Мань, ну пожалуйста! – заканючила подруга. – Мне отец это кафе купил, если я прогорю, он же мне денег больше не даст. – Папка у Катьки и правда суровый, оттого связываться с этим хотелось все меньше. – О сменах договоримся, по деньгам не обижу, ты только приходи. Его тут обустроить надо, ты же умеешь.

– Я не дизайнер.

– Ну не дизайнер, да, ну нарисуем что-нибудь, надо покреативить. Мань, ну ты просто приезжай, а? Я тут одна, что-то уже готова сдать...

Унылые нотки в голосе подруги заставили согласиться, и теперь сутки через двое я ездил в город на целый день помо-

гать с кафе и быть не только баристой. Первое время ничего у нас не получалось, клиентов почти не было, и мы уныло смотрели на проходящих мимо людей, но потом постепенно стали захаживать посетители, а мы, надербанив идей из пинтерест, пихали в маленькое кафе все что могли сделать собственными силами, и постепенно, по чуть-чуть, стало понятно, что, кажется, мы справляемся. Весна была на улице и в душе, хотелось петь, вкусняшек и танцевать.

Глава 4

Надежда на то, что помощь на огороде смягчит маму, таяла с каждым днем, а осознание глубины ее негодования случилось еще пару дней назад, когда мы поругались на пустом месте из-за какой-то чепухи. Говорить напрямую не получалось ни у нее, ни у меня, но напряжение между нами росло в геометрической прогрессии, словно кто-то накрыл кастрюлю крышкой и увеличил огонь. В итоге мама цеплялась ко всякой ерунде и без конца намекала на то, что ей рассчитывать в старости на заботу, видимо, не приходится. Я чувствовала себя виноватой и бесконечно искала способы доказать ей обратное, но как это сделать, если я взяла и купила себе дом на деньги от квартиры и не отдала их ей, как она того хотела. Я чувствовала за это свою вину и в то же время злилась, потому что ничего такого я не совершила, за что стоило бы столько истязать нас обоих своим поведением. Ко всему прочему, брат, поступивший так же, никаких особенных последствий не ощущал, на огороде не появлялся и вообще жил своей жизнью, появляясь только на шашлыки.

Закончились эти мытарства в конце апреля, когда у меня, словно у старухи, так переклинило спину, что я не могла встать с кровати. У меня и до этого она болела, но этот раз превзошел все предыдущие, потому что в этот раз сколько бы я ни взывала к силам природы, ни пыталась с «толкача»

завести свое тело, чтобы оно начало функционировать как и прежде, ничего не получалось, а от аппликатора Кузнецова, который был у нас от всех болезней, стало только хуже. Мама тоже заболела. В итоге все как-то немного улеглось, и я, более-менее встав на ноги, уехала домой в надежде, что станет лучше.

Так оно и случилось. Мой маленький дом, который знал меня всего несколько месяцев, каким-то образом исцелял, а я, словно одержимая, прятала его ото всех. Даже подруге не сказала, где теперь живу. Хотелось своего личного, недоступного для других пространства. Дома все было идеально. Переделок предстояло еще очень много и дел на огороде уйма, но все эти дела приятным предчувствием заполняли душу, хотя резервной спины у меня для всего этого не было...

Вернувшись от мамы, я заползла в свою нору под лестницей, в которой на днях появились новая кровать и чистый, новенький матрас, новые подушки и постельное белье, завернулась в одеяло и провалялась так два дня до следующей смены в кафе, и мне стало легче. Спина еще сигналила короткими отголосками боли, но острая фаза миновала. В отношениях с мамой было примерно то же самое. Вытрепав друг другу нервы, мы обе взяли тайм-аут, тем более за эти два месяца нашими совместными силами было сделано очень много, так что мама не могла быть недовольна. Можно было выдохнуть с облегчением.

– Может, тоже в спортзал абонемент купим? – провожая

очередного симпатичного парня, снова спросила Катька.

– Без меня.

– Ну почему? – заныла подруга. – Вместе веселее.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не собираюсь идти туда позориться со своими ляжками в окружении стройных нимф...

– Там есть баня и бассейн... – вставила подруга, но прикусила губу, перехватив мой взгляд.

– Еще лучше, буду дрейфовать там, как поплавок вдоль бортика, пока меня буйком кто-нибудь не выловит в конце дня.

– Манюш, там всякие курсы йоги есть, аэробика.

– У меня на огороде и йога, и аэробика. У меня вчера под пол наушник свалился, знала бы ты, в какой позе я его доставала... тебе такая и не снилась.

Под шуточки и запах кофе пролетели полдня, пока к нам не зарулил парнишка, при виде которого Катька мгновенно вытягивала и без того плоский живот и начинала улыбаться и кивать на все его реплики, а когда он попросил пять тысяч ему разменять, ломанулась бегать по ТЦ в поисках тех, кто поменяет. Я в это время смотрела на него хмуро и недовольно. Парень мне этот не нравился априори, просто потому, что Катька была магнитом для придурков, и этот явно не казался исключением. Утруждать себя хихиканьем над его несмешными шуточками я не стала, поэтому ожидание Кати

стало еще более муторным, но я решила страдать с удовольствием, на часах было уже четыре часа и я решила, что время обеда пришло, оплатила штрудель и, заварив себе чай, села за стойкой, надеясь, что в эти десять минут, кроме уже присутствующей физиономии, не нарисуеться больше ни одна, но стоило мне с комфортом усестя, засунуть штрудель в пакетик (есть его вилочкой с блюда мне казалось издевательством) и уже открыла рот, почти откусила и в этот момент, конечно же, открылась входная дверь. Ни секундой позже или раньше. И конечно же, нарисовался Ален Делон, скрещенный с Аполлоном. Другого же времени не нашлось, только когда Маня заталкивает в себя штрудель, надо появиться на пороге.

Засранец был красив как бог. Я была уверена, что он либо гей (на месте мужиков я бы не устояла), либо характер у него говнистый, либо и то и другое, и выводок внебрачных детей в придачу, от разных жен, конечно. Вообще любой из этих пунктов был на него прилеплен просто потому, что мне так жить легче, и я не травлю себе душу мыслью, что кому-то эта умопомрачительная красота достанется. Вообще красивые мужики это всегда плохо. Такие, пока все юбки не переберут и пару венерических не заработают, не успокоятся. Опять же это мое сугубо токсичное мнение.

– Здравствуйте, – поздоровался Ален Делон.

Я решила идти наперекор судьбе и своим комплексам, поэтому все-таки откусила от штруделя, но по закону подлости

неудачно. Во-первых, штрудель попался резиновый и пришлось постараться, чтобы откусить от него кусок, а во-вторых, я его не откусила, а оторвала, из-за чего кусок оказался слишком большим, чтобы запихнуть его в рот, но выплюнуть кусок обратно в тарелку, когда на меня смотрят эти серые глаза, я бы уже просто не смогла. Пришлось помочь себе пальцем и затолкнуть штрудель в рот.

Он явно старался не улыбаться, а я взывала к небесам, чтобы мое лицо не начало сейчас краснеть, но в небесной канцелярии мои молитвы слышали почему-то как-то не так, поэтому краснеть я начала, как только подумала о том, чтобы не краснеть.

– Здравствуйте...

– Я хотел бы кофе. – Он еще и улыбался, глядя на меня.

– Какой?

– Капучино и... – Он повернулся и посмотрел на мою тарелку с оставленным на нем штруделем в пакете. – И штрудель. Кажется, он вкусный.

Градус красноты моего лица явно увеличился. А как пахло от него... божечки... Что это интересно за духи? Себе, что ли, купить и кота ими обрызгать?

– Не рекомендую... – дожевывая свой кусок, сказала я. –

Что-то он сегодня резиновый.

– Вот как. – Ален Делон склонился над витриной, разглядывая вкусняшки, пока не остановился напротив упаковки сэндвичей. – Они вкусные? Есть хочу ужасно, но ехать ни-

куда времени нет, – пояснил он зачем-то.

– Были вкусные.

– Тогда их.

Дальше все, к счастью, прошло ровно. Сделав кофе и поджарив сэндвичи, я отдала их ему и вернулась на свое место, к этому моменту появилась Катька, по которой видно было, что она явно по улице пробежалась в поисках размена. Блаженная. Отдав посетителю деньги и получив от него сухое «спасибо», плюхнулась, расстроенная, рядом и насупилась.

– Он придурок, кретин, идиот и стремный, – прокомментировала я. – Один глаз больше другого и запах изо рта.

– Да ладно? – Потухшие Катькины глазки заинтересованно заблестели.

– Ага, – уверенно кивнула я. – И у него штаны на заднице висят так, будто он обосрался.

– Ну Мань! – захихикала Катька, а потом посмотрела на свои руки и снова на меня. – Спасибо, мне лучше.

– Пожалуйста.

– Отец сказал, что сам меня замуж выдаст... – вздохнула подруга, – говорит, сама я себе нормального мужика не найду.

Хотелось, конечно, Катьке соврать, но не в моих это было правилах.

– Я бы на твоём месте не сопротивлялась.

– Маня!!!

– Что Маня? Где твой Витюня?

– Мань, боже мой, это было давно!

– Два года назад...

– Это давно!

– Ну ладно, а этот твой где? К жене и детям вернулся?

– Ой, все! – Вскочив на ноги, подруга убежала в подсобку,

а я почувствовала себя бесчувственной сволочью и пошла за ней следом.

– Прости.

– Ничего... – втянув сопли, покачала Катька головой. –

Ну почему мне так не везет?

– Почему не везет? С батей тебе же повезло? – поглядывая на зал, протянула я.

Ален Делон смел все сэндвичи и теперь задумчиво смотрел на еще один на прилавке. Достав тот, я положила его на гриль жарится, не он, так я съем, все равно я что-то не наелась.

– И что с батей?! Не за него ж мне замуж выходить?

– Ну, так он тебе найдет за кого выйти, у него вон целый взвод полиции, ща продвинет кого-нибудь по службе и тебя замуж выдаст.

– Мань! – рявкнула Катька. – Ты меня утешаешь или расстраиваешь?!

– Ну, прости, блин, я не знаю, че ты паришься, на тебя тут каждый второй заглядывается, ты сама почему-то клюешь только на придурков.

– Да как их отличить-то?

– Не знаю, – стоило признать очевидное. – Я и сама не знаю, но этот, сразу ясно, придурок.

За обсуждением потенциальных кандидатов в Катькины женихи пролетел остаток рабочего дня. Ален Делон купил оставшийся сэндвич, слопал его в три укуса и убежал.

– Вот на этого ты даже не взглянула. – Кивнула я в сторону скрывшегося Ален Делона.

– Да нечего на него смотреть. Я его знаю.

– Да ладно?

– Ага.

– И что?

– Ничего. – Катька пожала плечами – У него тут офис недалеко, какой-то строительный бизнес или не строительный... Не помню. Отец меня с ним знакомил, но я ему явно не понравилась, он меня вон даже не узнал.

– Ого.

– Угу. – Подруга посмотрела на меня как-то странно. – А с тебя он, кстати, глаз не сводит.

– Очень смешно.

– Я не шучу. Он ведь у меня расплачивался, а смотрел всю дорогу на тебя.

– Ой, все, не выдумывай, – отмахнулась я, не желая давать своей богатой фантазии никаких надежд. – Иди лучше закажи на завтра молока, а то запасы тают.

День выдался бы неплохой, если бы по возвращении домой меня у ворот не встретила опостылевшая физиономия

прораба. Соседа, то есть владельца строящегося дома, я еще ни разу не видела, зато вот этого персонажа наблюдала регулярно.

– Вечер добрый, – протянул хмурый мужик, стоя под зонтом, пока я открывала свои еще недавно скрипящие, точнее истошно воющие ворота, но на днях я доконала этим звуком живущих на стройке рабочих, и они мне сами смазали ворота.

– Был до вас.

Любезничать настроения не было, да и смысла тоже, потому что на пороге этот мужик появлялся только с одной целью – портить мне нервы и просит продать участок. Чтобы отстал, я ему брякнула стоимость квартиры в городе, он развопился и убежал, я думала навсегда, но, видимо, решил попытать удачу в конце дня. Надеялся, похоже, что я устала и сил к сопротивлению у меня маловато.

– Я поговорил с начальником, он согласен.

– Согласен с чем? – почти закрыв ворота, уточнила я.

– Заплатить вам, сколько вы сказали.

А вот это был нежданчик. Тело как-то странно отреагировало на него испугом. В груди словно похолодело, а живот немного скрутило... Это оказалась хорошая новость, но почему-то мне от нее не было хорошо... Поэтому я взяла время подумать.

Глава 5

Два муторных дня прошли в терзаниях и мыслях о том, стоит ли соглашаться на предложение или нет. Цену ту я брякнула, просто чтобы он отстал от меня, потому что этот надоедливый мужик со стройки едва ли не через день навещался «поговорить». Участок был небольшой, шесть соток, упирающихся в сосновый лес. Они совершенно однозначно не стоят как квартира в городе, хотя, может, и стоят и если я благоразумный человек, то надо хвататься за этот шанс, но что-то внутри выло от тоски и упрямо сопротивлялось. Чувство собственной глупости и ущербности, здравомыслие бились не на жизнь, а на смерть с чем-то упрямым, желающим остаться в этом маленьком домике.

– Я ведь обещала не продавать его... – спорила я с самой собой.

– Это слишком хорошие деньги, чтобы отказываться, ты такие сама никогда не заработаешь, тупица.

– Да еще и этот псих настойчивый, вдруг возьмется пако-сти делать за то, что не продала?

Это многоголосье загоняло в угол, и я выбегала на веранду, садилась в кресло-качалку, куталась в плед и смотрела на сосны, чьи золотистые стволы светились жарким светом от падающих на них солнечных лучей. Тут было так хорошо, и я чувствовала себя предательницей неизвестно кого... почти

преступницей за то, что неизбежно склоняюсь к тому, что продать этот домик было бы правильно... Да, он хороший, мой любимый, о мысли о нем на глаза наворачивались слезы, но это глупо... а вдруг когда-нибудь я забеременею, я ведь не собираюсь замуж выходить, нужны нормальные условия для ребенка, не тут же он со мной будет жить? В конце концов можно не квартиру купить, а другой дом, но не здесь...

– Ну что? – субботним утром нарисовался прораб.

– Я согласна.

– Ну вот и славно. – Мужик расплылся в довольной улыбке. – Тогда звоню нашему юристу и оформляем сделку.

– Хорошо.

Мужик, довольный, побежал на свой участок, набирая попутно кого-то по телефону, а я поплелась в свой волшебный теремок, который еще пока мой, села на веранду и, прикусив нижнюю губу, вцепилась в порожек веранды до белых костяшек, переживая приступ горечи и тоски. Глупая дура, думала я, надо радоваться, а не чепухой заниматься. Надо повзрослеть и уже начать жить как все нормальные люди.

Подстегивая себя мамиными репликами, я собралась и уехала на работу. Несколько раз звонили неизвестные номера, но так как я боялась мошенников, которые звонили регулярно, то трубку не брала, кому надо, у того номер мой есть, и тот у меня в телефоне записан.

Муторный рабочий день закончился, приходил Ален Делон, но я сидела в подсобке, и им занялась Катька, пытавшаяся

яся безуспешно меня весь день подбодрить.

– Ален Делон всю кафешку глазами просканировал, – привалившись плечом к дверному косяку в подсобке, протянула подруга. – Тебя поди искал.

– Да уж конечно. – Горячий чай с ромашкой обжег язык.
– Это он сэндвичи искал.

Есть не хотелось и в то же время хотелось впихнуть в себя столько еды, чтобы вместе с ней затолкнуть поглубже боль, задавить ее, затопить горечь навязанной насильственной сладостью, поэтому, как только мы закрыли кафе, я, покивав на обреченные слова утешения Катьки, попрощалась и уехала в круглосуточный, набрав там всякой чепухи, которую у меня в другое время совесть грызла покупать, а теперь мне было так паршиво, что стало плевать, сколько прилипнет килограммов к моей заднице после этой инсулиновой бомбы. Есть все это, с одной стороны, не хотелось, даже смотреть на эти коробки, а с другой, нужно было чем-то перекрыть всю ту горечь, что разъедала мне внутренности от живота до грудины. словно на меня плеснули химикатами, и те, миновав кожу, попали куда-то в самую глубь, разъедая меня изнутри.

Зашвырнув пакет с едой и бутылкой виски на пассажирское сиденье, хлопнула дверью и, обойдя машину под начинающимся дождем, забралась на водительское сиденье, пристегнулась и завела машину. Что-то слишком часто я пью в последнее время... Паршивая какая-то тенденция.

– А у меня в жизни нет других тенденций, кроме как паршивых! – окрысилась я сама на себя внутри собственной головы. – Размазня, блядь, и ничтожество, – это было сказано уже вслух.

Телефон разрядился и сел. Запихнув его в карман, прибавила скорость, направляясь домой. Вероятно мне мог звонить сосед, но я ведь не знала наверняка кто это, поэтому не брала трубку, в конце концов мог бы и эсэмэску набрать.

К тому моменту, как я подъехала к дому, на улице уже почти стемнело. Остановившись напротив ворот, я вылезла из машины, намереваясь загнать ее на территорию, но меня, видимо, ждали, и с соседнего участка выбежала уже опостылевшая мне за все это время физиономия.

Она была крайне недовольная и даже разгневанная.

– Какого черта ты трубку не берешь?! – завопил мужик, еще не успев даже добежать до меня.

– Не ты, а вы! – мгновенно завелась я. – Мамке своей будешь тыкать.

– Ты, сопля зеленая, меня не учи! – взревел мужик. Кажется, нервы на пределе были у нас двоих. – Недоросла еще, чтобы я тебе выкал.

Возмущение словно вулкан внутри пробудило и началось извержение.

– Ох, простите-извините... – Режим премерзкого поведения был активирован. – Но кое до чего я все же доросла. – Сложив из кулака дулю, сунула ее придурку под нос и поше-

велила пальцем. – Вот вам, а не земля! Я передумала!

– Ах ты!.. – Мужик с силой сцепил зубы, поняв, что делает сейчас только хуже, а я именно этого и хотела, чтобы он наговорил мне гадостей и я с чистой совестью послала его на небо за звездочкой, успокоив свою совесть тем, что с мудачками лучше сделки не заключать.

Бордовый от ярости прораб развернулся и, впечатывая ноги в землю, умчался на свой участок.

– Сука, блядь! – донеслось из-за забора. Типа он это не мне крикнул, а просто выругался.

– Кретин! – Я решила не делать вид, что это не ему.

Загнала машину на участок я уже в более приподнятом настроении, что-то даже пить расхотелось. Убрала бутылку в ящик с медикаментами, поставила чайник, заварила чай и налупилась рафаэлок. Заснуть в этот день снова не вышло. Мозг, словно готовясь к осаде, вел дискуссии с разными точками зрения, ища истину. Одновременно продолжались прения сторон, надо все же дом продавать или нет. Так ничего толком и не решив, я отрубилась ближе к пяти часам утра, а в шесть ко мне в окно начал долбиться вчерашний псих.

– У меня ружье есть! – рявкнула я, выбираясь из кровати и думая, чем бы приложить визитера.

Вообще спросонья я не сразу поняла кто это, потому что участок мой был огорожен со всех сторон, кроме стороны, с которой был лес, там у меня покосившаяся ржавая рабица, которая к углу забора, примыкающего к соседскому участку

завалилась набок, я ее как могла попыталась леской примотать обратно, но нормально это сделать не получилось, та за столько лет погнулась и упрямо сползала вниз. У соседа с этой стороны участка забора тоже не было, вероятно он надеялся выкупить землю у меня и отщипнуть еще лесной территории, чтобы вынести забор дальше, а так как я была тут, ничего пока не делал, так получается и у соседа, и у меня с одной стороны не было забора, и видимо, этот паршивец прораб, воспользовавшись незаконным методом, проник на частную территорию.

Только-только заснувший мозг и тело работать отказывались, поэтому я чуть не навернулась с кровати, налетев на косяк, да еще и дома опять была холодрыга. Стащив толстую вязаную, растянутую уже до размеров кинконга кофту со спинки стула, я закуталась в нее, надела теплые желтые тапочки, больше напоминавшие плюшевые игрушки, и, прихватив швабру для устрашения, распахнула дверь. Стоит заметить, что один мой глаз еще спал и левое веко упрямо закрывалось, хотя я и старалась его разлепить. Мозг мой тоже частично спал, поэтому я не придавала значения тому, что за спиной у вчерашнего идиота кто-то стоял, скорее всего кто-то из рабочих, решила я и сразу забыла про него, переключившись на знакомую недовольную физиономию.

– Че надо?!

– Доброе утро, – попытался мужик найти ко мне подход.

– Доброе утро? – Я иронично приподняла бровь, но вряд

ли это смотрелось цинично и насмешливо, потому что приподняла я ее над глазом, который не желал просыпаться. Пришлось помочь себе пальцем. – Даже без «сука, блядь»? Да вы, я смотрю, стремительно эволюционируете. Вы не спешите, а то я за вами не поспеваю.

Мужик молчал, я не поняла почему, мозг мой разгонялся не быстро, одна только желчь и токсичность во мне, видимо, не спали никогда. Протерев глаза, я наконец прищурилась и посмотрела на прораба, который поджимал губы и явно немного нервничал.

– Я звонил тебе, вам... – поправил он сам себя так быстро, что я даже не успела придратьься. – Вчера... хозяин приехал.
– Чей? – тупила я.

Мужик вдохнул и выдохнул, призывая, очевидно, все свое спокойствие.

– Мы еще вчера собирались с вами обсудить условия сделки, но вы трубку не брали, а сегодня...

– А сегодня вы решили отомстить мне за это, явившись спозаранку? – кивнула я. – Я поняла.

Мужик посмотрел куда-то за спину и снова на меня.

– Нужно обсудить условия сделки.

Я уже хотела сказать, что сделки не будет. Вообще я не была в этом уверена, но конкретно в данный момент сонной и злой мне хотелось поскандалить и никто мне так не подходил, как вспыльчивый прораб, который явно с трудом сдерживал себя... Но тут я наконец перевела взгляд на человека,

который стоял у него за спиной, и забыла, что собиралась сделать. Он стоял не на веранде, а на земле рядом с верандой и в упор таращился на меня. Ален Делон.

В какой-то момент мне почудилось, что это сон, я даже глаза потеряла и прищурилась, но да, это был он. Красив как бог, стройный, высокий, в белоснежной хорошо на нем сидящей рубашке, синих брюках и расстегнутой сейчас кожаной куртке. У него в руках была тонкая кожаная папка, а на носу блестели тонкие очки. Прозрачные стекла без оправы были почти незаметны, но придавали ему какую-то особую серьезность. Сразу вспомнились красавчики из дорам, деловые и безупречные, как раз такие, какие только в фантазиях и бывают. А этот вот стоял вполне реальный напротив меня... напротив меня, одетой в ночнушку с капибарами, в стремную растянутую кофту и идиотские тапки... Потрясающе, то что нужно, чтобы сразить прекрасного принца наповал, чтобы он никогда тебя не забыл... ведь трудно забыть того, кто снится тебе в кошмарах.

Не знаю, сколько мы таращились друг на друга, но прораб заметил, что что-то не так, и какое-то время молчал, переводя взгляд с него на меня.

– Шеф, я ей звонил вчера, она трубку не взяла, – наконец заговорил он.

– Я это уже слышал. – Ален Делон вскинул руку и посмотрел на часы. – Ладно, у меня уже нет времени. – Он протянул папку с документами и передал ее мужику, а тот мне. –

Ознакомьтесь пока с документами, а потом я вернусь, и мы поговорим.

– Ага... – уже в спину им пробормотала я, взяла веник и подмела то место, где стоял прораб. Он заметил и недовольно поджал губы. На это я и рассчитывала, улыбнулась довольно и вернулась в дом, медленно закрыла дверь и почувствовала клубок разношерстных, противоречащих друг другу чувств, но лицо совершенно однозначно нагревалось, краснея. Бросив на себя взгляд в зеркало, я скривилась.

– Ой бя... чучело, блин, – цыкнула я, отворачиваясь от зеркала, и, бросив папку на кухонный стол, вернулась в кровать и мгновенно отрубилась. Мозг, видимо пережив шок, решил нажать на рубильник и отключить меня ненадолго, чтобы перезагрузить мой пк.

Глава 6

Следующий день у меня должен быть выходной, но пришлось подменять коллегу, поэтому я вернулась на работу, прихватив с собой папку с документами, которые рассчитывала почитать. Но сегодня в находящемся рядом спортзале проходило какое-то мероприятие, а еще у соседнего магазина был праздник и поток желающих купить капучино и латте увеличился вдвое, поэтому почти до самого вечера времени совершенно не было и от этого было даже немножко радостно, словно у меня появилась уважительная причина не читать документы и не принимать никакие решения... Я попыталась почитать их вечером, но не было ни желания, ни сил, поэтому, благополучно забыв папку на работе, я уехала домой и провалялась там еще один день в постели. Наскребя вечером немного сил на кое-какие документы, для своей дистанционной подработки, я закрыла хвост, который давно висел, и захлопнула ноутбук.

Он предлагал мне деньги, на которые можно купить хорошую квартиру в городе, но не дом... а я не хотела менять веранду с креслом и соснами, щебетом птиц на балкон... Но против этого всего был здравый смысл, а также длинный список других аргументов в пользу того, чтобы согласиться. От горечи и тоски хотелось поплакать, но слезы привычно застряли на подступах к горлу, суровые пограничники их за-

держали, не пустив дальше. К счастью, душевные терзания закончились, как только веки сомкнулись. Как хорошо, что можно просто заснуть и ни о чем не думать.

Иногда ты просыпаешься и понимаешь, что что-то с этим днем не так. Нет никаких адекватных аргументов, просто что-то не так. Где-то в пространстве появляется странное непонятно откуда взявшееся напряжение, и интуиция замирает, прислушиваясь и принохиваясь. Серая шерсть на волчьей шкуре приподнимается, но ты передергиваешь плечами, называешь себя душой и гонишь идиотские фантазии прочь. Надо на работу.

Дома, как всегда, холодно. Благо тапки мгновенно согревают ноги, а конфорка резво кипятит воду. Готовить здоровую еду лень, уж тем более кашу варить, поэтому, помедитировав на свистящий чайник на плите, сточив с Тимофеем на пару бутерброд с колбасой и осилив полкружки чая, уехала на работу.

В этот раз посетителей было меньше, удалось наконец прочесть документы. Вообще мозг всячески сопротивлялся, будто это не он приводил логические аргументы в пользу предложения соседа, поэтому потребовались отдельные усилия, чтобы продрасться сквозь буквы, но мне удалось все прочесть и понять. Единственное, наверное, что я действительно вынесла из юридического, – все документы нужно читать от и до, даже если ты тупой тормоз и читаешь по слогам.

Никаких пунктов со звездочкой, все честно, отличная

сделка, а я так надеялась... а еще надеялась, что Аллен Делону хватит совести не заявляться сегодня в кафе, но надежды были напрасные.

– Здравствуйте, – уже без улыбки поздоровался он. – Мне кофе и сэндвич.

– Добрый вечер. – За вежливыми словами можно прятаться как за ширмой. Грубость и хамство в этом разрезе более честные. Я старалась не смотреть на него, надеясь, что он не поднимет тему продажи дома, но зря.

Пока я готовила кофе и грела в гриле его сэндвич, Аллен Делон не сел, как обычно, за дальний столик, дожидаясь, когда ему принесут заказ, а стоял у стойки над душой. Переживал, наверное, не подсыплю ли я ему чего в кофе? Я бы, может, и подсыпала, но, кроме корицы и Катькиного слабительного, ничего не было. Хотя над последним я задумалась на мгновение, но выглядело бы все же странно, если бы я с его кружкой ушла в подсобку. Пришлось держать себя в руках.

– Я зайду сегодня вечером? – спросил он, забирая кружку из моих рук.

– Зачем? – не сразу поняла я.

– Обсудить сделку.

– А, ну да... хорошо. Я буду после восьми.

Но после восьми я не появилась, как и после десяти. Иногда все же предчувствия не подводят, и день оказался действительно паршивый, каким и показался с самого утра. Бли-

же к вечеру на телефон ракетами стали падать эсэмэски от мамы и брата. Казалось, снаряды летят не в гаджет, а в сердце.

Мама: «Отец запил»

Брат: «Надо бату найти, опять куда-то делся, я на смене».

Мама: «Я была у него на работе, его там нет, бегаю по дворам. Ты где?»

Брат: «Возьми трубку, надо матери помочь, она волнуется».

– Бля...

Напарница отпросилась до того, как я дошла до телефона в подсобке, и кафе предстояло закрывать мне. Хотелось взорваться. Чувство, будто взрывная волна сотрясает тело и стремительно разлетается по телу, захлестнуло сознание, но нельзя было позволить, чтобы она вышла наружу, поэтому пришлось оставить взрыв себе, разлетаясь внутри себя на осколки. Злость взрывами налетела на каменную оболочку, а еще ярость, резко навалившаяся усталость и раздражение.

– Я не могу, – позвонила я брату. С мамой сейчас страшно было разговаривать, страшно ей звонить, только от мысли об этом по телу холод пробежал. – У меня сменщица ушла, я не могу раньше закрыть кафе.

– Так ты в кафе теперь работаешь? – уставший, равнодушный голос брата был приглушен шумом на заднем фоне. – Не надоело тебе херней заниматься? Шла бы по специальности.

– Тебя забыла спросить, что мне делать. – Мне казалось,

что одни и те же реплики не могут ранить бесконечно, но оказалось —могут. – Я не готова сейчас ехать его искать, у меня еще час работы.

– А у меня дежурство, я, по-твоему, как из части уйти должен? Чтобы меня посадили потом? Я уже и так парней отправил, они его машину пригнали.

– Где она была?

– В парке, на платной парковке.

– И долго она там простояла?

– Скоро узнаем, когда штраф придет.

– Бля.

– Закрывай свое кафе и езжай к матери, она там парк прочесывает.

– Я сейчас не могу! – От бессильной злости внутренности скручивались в узел и каменели. – Ты меня не слышишь, что ли?!

– Ну, через час, – равнодушно отмахнулся брат.

– Позвони маме, скажи, что я приеду, как закроюсь.

Говорить с ней совершенно не хотелось. Представляю, в каком она сейчас настроении, уставшая и издерганная после работы, бегающая по улицам, еще и дождь накрапывает. Стоит позвонить ей сейчас, и она сорвется на меня за то, что не видела звонки, за все косяки и за отца, потому что, наверное, только я ее и понимаю. Брату все равно, он особо не реагирует, сестра психует обычно не меньше мамы, остаюсь только я.

Оставшиеся сорок минут показались мне вечностью. Нервы словно пружинку завели, и я за сорок минут перемыла все столы и даже полы, оттерла до блеска несколько стаканов, и как только стрелка показала ровно восемь, провернула ключ в замке, испытывая слабое чувство вины, что уходить надо на десять минут позже, а не минута в минуту.

Сев за руль, я решила позвонить маме.

– Где тебя черти носят?! – закричала она. – У меня уже телефон садится! Сколько я должна звонить?!

– Мам, я на работе была...

– На какой еще работе?! В очередной забегаловке?! Это не работа!

Слон поднял хобот вверх, хлопок, и снаряд вылетел из носа, летел, летел и прилетел прямо в душу, потом еще один и еще, много мелких и острых, падающих режущими осколками на лицо и шею. Мама кричала и плакала, перечисляла, где уже была и свои болячки, когда ее прервал кашель. Я вызвала ей такси и сказала, что дальше сама. Мама засопровтивлялась, но искать папу с ней было еще хуже, чем одной. К тому же с нее на сегодня хватит...

БИ-2 держались за воздух и острые звезды, а я просто за воздух, который заполнял меня изнутри и распирал внутренности, которые бежали трещинами, хотелось, чтобы он надул меня как шарик, а потом я бы лопнула и разлетелась на миллионы больше не чувствующих не связанных друг с другом осколков.

Темные улицы освещали рыжие фонари, отражаясь в лужах-зеркала. Я каталась по пустеющему городу, останавливаясь у знакомых подъездов, куда не хотелось заходить, но там его не было. Мама тарабанила эсэмэсками с отчетами, где отца нет и кому она дозвонилась. Не знаю, сколько бы я ездила, если бы у одного из подъездов не наткнулась на соседку.

– Отца ищешь? – Седая старуха с торчащими из-под платка, завязанного под затылком, волосами, остановилась возле меня, когда я садилась в машину.

– Да. Вы его видели?

– Видела. Че ж не увидеть-то? Ушли они в гаражи с Олегом.

– Какие еще гаражи? – не поняла я.

– Гараж Олег купил. Вот, видать, ушли обмывать.

– Черт... И где он?

– А мне откуда знать? – Старуха пожалала острыми плечами. – Тут где-то поблизости, не будет же эта пьянь за своей машиной далеко бегать?

– Ну да...

Без особой надежды я покружила по ближайшему дорожному кооперативу и уже на самом выезде нашла пропажу. Распахнутые ворота, мангал, бутылки и голоса. В такие моменты всегда хотелось перенестись куда-нибудь на странички романов, где сильный, красивый и, конечно, богатый мужчина похищает красивую и беспомощную нимфу и увозит

в свое королевство, но в моей реальности таким фантазиям не место. В моей реальности гаражи и запах перегара, а еще злость и стачивающая зубы ярость, без которой двухметровую тушу моего папы я бы не доволокла до своей машины. Пока ехала до мамы, кричала на него что-то про то, как мы испугались, как искали, что у меня дела, я не могу по всему городу колесить в его поисках, но сквозь собственный бессильный крик я слышала храп и умолкла. Жизнь она такая, без розовых фантиков с зелеными козявками вместо розовых соплей.

Позвонила маме и осчастливила ее, нашелся ведь...

– Я его не подниму.

– Пусть в машине спит. Проспится и утром сам поднимется.

– Каким еще утром? Мне домой надо!

– Домой?! А кто тебя дома ждет?! У тебя, там семья, что ли? – завелась мама по новой. – Купила где-то конуру и прячешься теперь в ней.

– Это не твое дело!

– А чье ж еще?! Кому ты, кроме меня, еще нужна?!

– Моё!

– Маша, я не буду спорить с тобой, – мама решила перейти в режим величественного благоразумия, как бы подчеркивая, кто тут умный человек. – Закрывай машину и иди домой, он проспится и придет.

– А если он мне машину заблюет? Он в стельку!

– Ничего страшного, помоешь.

Столько в этой интонации было нарочитого равнодушия. Будто мои трудности – не стоящие внимания мелочи. Хотелось ударить по рулю и заорать, но тогда бы я почувствовала себя не только ничтожеством, но и психопаткой, поэтому, сбросив вызов, я выпрыгнула из машины, обежала ее вокруг и открыла задние двери, где на встроенной самодельной кровати спал любимый папочка.

– Пап, вставай!

Равномерный храп был мне ответом, но я не намерена была сдаваться, потому что оставаться с мамой в одной квартире было смерти подобно, но... он был таким тяжелым, наверное только слепая ярость и отчаяние помогли мне выволочь его из машины и, забросив его руку себе на плечо, как-то доползти до подъезда, а там не иначе как чудом миновать парадную и добраться до лифта, игнорируя вибрирующий звонками телефон. Там уже, выбившись из сил, я его просто уронила и сама сползла по стене на пол, совершенно не представляя, где брать силы, чтобы выволочь его из лифта.

Лифт приехал слишком быстро, я не успела собраться с силами. Хотелось плакать, что-то тонкое и хрупкое внутри дрожало, но, стиснув челюсти, я поднялась на ноги и, вцепившись в папину куртку, попыталась его поднять, но ничего не вышло. Он словно стал тяжелее в десять раз. Ногти болели, запястья ныли, но поднять его не удавалось.

– Вставай, черт тебя раздери! – Чувство собственной слабости мутировало в ненависть к самой себе, в бессильную ярость, побежавшую по щекам идиотскими, бесполезными слезами.

Двери лифта закрылись, и он поехал вниз. К ярости добавился стыд. Кто-то вызвал лифт, и этот кто-то сейчас увидит меня всю красную и развалившегося на полу папу. Еще и забивающий рецепторы запах стоял на весь лифт. Попытка нажать отмену провалилась, двери лифта открылись, и не решившись войти, у самого порога замерла женщина, с недоумением и брезгливостью оглядевшая кабину.

Лакированные сапожки, блестящие и аккуратные, застыли, не решившись зайти в лифт. Бордовое пальто, хорошо облегающее стройную фигуру, и собранные в высокий хвост волосы. Сумочка, прическа, макияж, у кого-то сегодня, наверное, свидание. Девочка с картинки и я.

– Извините... – пробормотала я, желая провалиться в шахту лифта. Я представляла, что она сейчас видит. Рыжая растрепанная в обтертых о грязные перила джинсах, толстовке и расстегнутой настежь разноцветной куртке, с копной медных торчащих во все стороны волос, красное лицо и мокрые щеки с разводами подтекшей туши, а еще мужика, больше напоминающего черную горку. Его грязную одежду и запах. – Я его сейчас доведу до восьмого этажа и отправлю лифт вам.

– Да не надо... по лестнице пробегусь.

Девушка ушла, а я, нажав нужный этаж, подхватила папу под руки и какими-то просто невероятными усилиями выволокла его из лифта, он как раз начал к этому времени просыпаться и даже предпринял попытку подняться. Створки лифта разок прижали ему ноги и отпустили, но у двери квартиры он уже умудрился подняться на четвереньки, а потом и встать, правда равновесие удержать не удалось, и он повалился на меня, а я на стену коридора, где стоял велосипед соседей. Стесав руку об звездочку, я наконец более-менее достигла устойчивого положения, остановив падение, и в этот момент мама открыла дверь.

– Ну и зачем ты его на себе волокла? – "заботливо" спросила она, подхватывая отца под другую руку и помогая довести его до дивана в зале.

Как только с плеч свалилось не меньше ста двадцати килограммов, захотелось упасть следом, но ноги упрямо держали на весу.

– Мне надо домой, – процедила я, не желая разговаривать. Лицо горело, от злости сводило челюсти, а руки и ноги мелко подрагивали от усталости.

– Останься на ужин. Куда ты поедешь в ночь?

Мама пошла за мной следом, добрая и теплая, такая, какой умеет быть когда захочет. При взгляде в эти любящие глаза появлялся диссонанс одной реальности с другой. Словно два разных человека общались со мной в этот вечер, и оттого еще труднее отказать, потому что нельзя злом отве-

чать на добро, теперь-то ведь она добрая, а я вот не могу так быстро взять и переключиться. По щелчку.

– Мне надо домой.

– Где хоть дом-то твой? – Мама шла следом. – Или матери уже нельзя знать, где ее ребенок живет?

– Потом как-нибудь покажу. – Как-нибудь «никогда», подумала я, чувствуя и вину, и раздражение одновременно.

– Когда потом?

Я остановилась у двери, переживая очередную взрывную волну, сжимая в кулак поцарапанную руку, и, сжав дверную ручку пальцами, обернулась.

– Я больше не буду его искать! – процедила я сквозь зубы. – Если тебе нравится так развлекаться – сама занимайся!

– Он твой отец, – ответила мама, расставаясь с напускным добродушием.

– По твоей воле!

– Он твой отец! – повторила она.

– И что теперь?! Я больше не собираюсь волочь его пьяного на себе! Пусть валяется там, где упал! Никто его пить не заставляет. Если тебе нравится вся эта...

– Ты собиралась ехать домой. Не трать слова, – оборвала мою речь мама.

– Ты для меня не пожалела слов, когда звонила мне!

– Потому что я испугалась за него!

– Ничего бы с ним не случилось, отоспался бы в гараже и пришел!

Бумажные фантики слов как дешевые хлопушки взрывались и осыпались мишурой. Никакого толку от них, только обиды и словесные махинации с сетями из манипуляций и взаимных обвинений. Между мной и мамой всегда коротило сильнее, чем между остальными членами семьи. Не знаю почему так. Возможно, действительно стоит взять деньги и уехать как можно дальше.

Хлопнув дверью и не став задерживаться, чтобы обработать поцарапанную руку, я выбежала из дома, чувствуя себя распоследней сволочью. В груди словно десятилитровое ведро появилось, переполненное и тяжелое, грозящее вот-вот пролиться, но «пограничники», как и прежде, были в горле и, стирая руки в кровь, драили шлюзы.

Вытерев влажными салфетками пылающее лицо, зажала одну из них в кулаке, поставила телефон в беззвучный режим и выехала со двора. Дорожные фонари стойкими солдатами выстроились в ряд вдоль дороги, встречая и провожая. Пальцы сжимали руль до белых костяшек, так словно это был спасательный круг, а в животе что-то холодное и острое завязывалось в узел. Телефон снова завибрировал, но я не стала брать трубку и смотреть кто это. Лишь было настроение запульнуть гаджетом куда-нибудь в сторону.

Острая потребность на что-то переключить внимание вынудила завернуть к мерцающему множеством огней круглосуточному гипермаркету. Вкусняшки, тапки, постельное белье, игрушки, косметика, канцелярия и бытовая техника.

Сознание, оцепенев работало на автопилоте, пока я бродила вдоль рядов, стеклянными глазами смотря на прилавки. Возможно, я бы так ходила до утра, если бы не вафельница по скидке. Мозг подал слабый сигнал, и я медленно очнулась. Взяла коробку, повертела в руках и сунула в тележку, в которой спустя полчаса появился еще большой мешок кошачьего корма, царапка для когтей, мука, яйца и кофе, а еще жвачка с кассы и твикс. Есть его желание отсутствовало, но у меня на него были большие надежды, он должен задавить негатив и затолкать его куда-нибудь поглубже, туда, где я его смогу не замечать.

Ну вот и дом... любимая улица и крыша, при виде нее сердце запело, но умолкло, как только я вспомнила, что собираюсь продавать дом. Ведь это рациональное решение адекватного человека, второго такого предложения может не быть. С каждым перечисленным фактом настроение падало туда, откуда его почти вытащили мысли о палочках твикс. Если бы можно было на время вылезти из тела и не чувствовать камень в груди и канатный узел в животе, я бы точно вылезла.

Открыла ворота, загнала машину. Зависла минут на десять, светя фонарями на дом и разглядывая его в поисках недостатков. Если доказать себе, что он плох, то легче будет его продать, но он был прекрасен даже в свете холодных фонарей. Маленький и уютный, совсем не страшный... Кот запрыгнул на окно и заорал, я очнулась... пора возвращаться

в пока еще свой дом.

На моей территории было темно. Свету одинокого дорожного фонаря мешал забор. В планах был фонарик, чтобы освещал территорию, но теперь в этой покупке не было смысла, если я собираюсь продать дом. Закрыв ворота, открыла пассажирскую дверь, и так как лень была преобладающим качеством моей личности, решила все и сразу донести. Коробку с вафельницей, продукты, папку с документами и кошачий корм. С трудом захлопнув дверь машины, направилась к дому, попутно пытаюсь нашарить в карманах ключи от дома.

Не знаю, обо что я споткнулась, возможно о собственные ноги, но летела я до самой веранды.

Глава 7

Горка покупок почти не смягчила удар, скорее наоборот. Угол коробки с вафельницей влетел в живот, но сильная боль в коленке, которой я налетела на торчащий из земли уголок кирпича, перекрыла остальные ощущения. Все вещи разлетелись по сторонам, а боль световыми вспышками мерцала внутри головы, эхом разливаясь по телу. Какое-то время ушло только на то, чтобы начать дышать ровно. Медленно приподнявшись на руках, плюхнулась на попу, оглядываясь в полной темноте и пытаясь оценить обстановку. Почти полная темнота, где телефон – непонятно, осветить было нечем. Еще и ключи, которые я, кажется, успела достать, выпали.

Пограничники не справились, причем не справились капитально. Услышав чей-то плач вперемешку со всхлипами, я испугалась, потому что не сразу поняла, что это мой, и, конечно, именно этот момент выбрал сосед, чтобы осчастливить меня своим визитом.

– Что случилось? – донесся голос Ален Делона со стороны леса. Сосед, видимо, решил снова воспользоваться плохо огороженной территорией за домом и пробирался ко мне.

Мне только этого счастья не хватало. Я резко перестала реветь, прикусив губу, попыталась как-то подняться и желательно одновременно с этим собрать все, что уронила, об-

ратно в руки, но попытки нашарить в темноте вещи, да хотя бы телефон или ключи, не увенчались успехом. Во-первых, болела рука и за что-то цеплялась, а во-вторых, сосед с фонариком на телефоне нарисовался слишком быстро, направив на меня слепящий луч.

– Что случилось?! – спросил он.

Я сидела на земле. Вся грязная, в куче вещей, в драных штанах, все потерялось и болит, к тому же я, пока ехала от маминого дома до магазина, не заметила, как расколупала маленький прыщик на подбородке, и была просто уверена, что именно сейчас, при свете фонарика с телефона, тот, конечно же, выглядит как звезда на сцене при свете софитов, и сосед смотрит только на него. От вселенской несправедливости слезы потекли сильнее, я разозлилась еще больше и, чтобы отвлечь его от своего прыща и драной коленки, схватилась за обнаруженную благодаря появившемуся источнику света папку с документами и с писклявым взвизгом: «Я ничего не подпишу!» запустила в него папкой, но та почему-то шлёпнулась мне под ноги и я наконец обратила внимание на руку.

Не знаю, что бы я делала, если бы он не пришел. В тот вечер выяснилось, что я заблуждалась относительно своей полной адекватности. Как только я заметила торчащий из ладони уголок разбитого доньшка банки, то сначала смотрела на него некоторое время, не понимая, что я вижу. Даже подумала, что осколок просто лежит в руке, попыталась трях-

нуть рукой, но вскоре поняла, что этот здоровенный осколок внутри моей руки.

– У-у-и-и! – Я попыталась сдержать себя, но паника была сильнее. – Ч-ч... чт-то?! Ч-что это?! У-у-и-и...

Опустившись на одно колено рядом, сосед посветил на руку. Когда я получше разглядела свою пострадавшую руку и торчащий из центра плоти осколок, мне стало дурно... Ко всему прочему, непонятно, как я так умудрилась ничего не почувствовать, пока не увидела?

Сообразив, что на руку мне лучше не светить, Ален Делон убрал телефон и быстро кому-то набрал.

– Выгони машину, быстро!

Потом мне, конечно, было очень стыдно, но в тот момент осколок в ладони избавил меня от всяческого стыда, смущения, неловкости и прочих доставляющих неудобство чувств. Поэтому я хоть и не кричала, но ревела в голос, потому упустила момент, как оказалась в воздухе на чужих руках, которые резво несли меня в машину. От шока подвывания взяли паузу, мозгу требовалось время, чтобы осмыслить происходящее.

– Ты что делаешь? – тихо спросила я, смотря на Ален Делона, который умудрился не только поднять меня на руки, но даже дойти со мной до ворот, я в это время старалась не дышать... Мало ли, вдруг это увеличивает мой и без того нескромный вес?

– Иду. – Капитан очевидность. Я кивнула, подумав о том,

что приличия ради надо сказать, чтобы поставил меня на землю, а то надорвется, но в этот момент подъехала машина, выскочил водитель, открыв дверь, и сосед помог мне сесть на сиденье. Можно подумать, я бы без него не справилась.

Шок от происходящего немного притупил боль, но потом Аллен Делон нашел какую-то белую тряпку, позже я поняла, что это была его футболка, и обмотал ею мою руку, видимо чтобы я не видела торчащий из руки осколок, и благодаря этому я вспомнила, из-за чего меня красавчики на руках носят. Острое желание плакать снова вернулось, и никакие пограничники его не остановили. Подбородок предательски задрожал, а слезы снова покатались по щекам. Он держал меня за запястье пострадавшей руки, и от этой неожиданной заботы стало как-то особенно горько, что, естественно, не способствовало самообладанию. В какой-то момент я сама на себя разозлилась, представив, как выгляжу сейчас. Есть люди, которые плачут красиво, я же от слез превращаюсь в жертву нападения пчел. Нос и глаза распухают, еще и нос закладывает и остается дышать через рот, что меняет голос. Стыд на мгновение вернул мне контроль над моими реакциями, но потом машину немного подбросило на кочке, я на автомате сжала пальцы в кулаки, и боль прострелила руку, стремительно отбросив меня на десять минут назад.

– Они же не будут зашивать?! – какого-то лешего решила уточнить я у «специалиста», который, трезво оценив мое состояние, решил бессовестно врать.

– Нет конечно, там ранка-то небольшая. – Отражение бровей водителя в зеркале просигналило мне, что это чушь полнейшая, но я готова была поверить в тот момент в любое вранье, лишь бы не думать, как из моей руки будут вытаскивать осколок, а потом штопать рану. – Осколок вытащат и забинтуют. – Для закрепления эффекта Ален Делон еще и кивнул утвердительно, чтобы у меня совсем уж сомнений не оставалось. Было бы смешно, если бы не было так страшно.

К концу поездки до ближайшей больницы я уже почти взяла себя в руки. И если бы не была так сильно занята размышлениями, как из меня будут доставать этот осколок, возможно я бы услышала, что мы едем к какому-то знакомому, который сделает все «в лучшем виде». Знакомый этот работал в городской больнице, и меня приняли вне очереди.

Ален Делон снова попытался поднять меня на руки, чтобы донести до идущего навстречу медбрата, катящего инвалидную коляску, но момент оказался упущен, я уже была гораздо более вменяемая, чем тогда, когда он поднял меня около дома.

– Не надо! Не надо! – засопротивлялась я, отталкивая его руки и спасая его спину.

– Я помогу...

– Не надо! Я сама.

– У тебя коленка...

– Все уже хорошо, все нормально! У меня регенерация как у вампира, – пошутила я, вылезая из машины, мы улыбну-

лись, а потом, неловко повернувшись, я стукнулась коленкой о дверцу и зашипела от боли. – Жеваный крот, щука брат... – выругалась я шифром. Материться при красавчиках я себе позволить не могла, ну во всяком случае не тогда, когда он меня «спасает».

Медбрат подвез коляску, в которой я не особенно нуждалась, по моему мнению, которое, расходилось с мнением присутствующих, поэтому на коляску все же пришлось приземлиться. Колено не так сильно болело, ныло скорее, немного стреляло болью при ходьбе, но не так чтобы сильно. Какое-то время я переживала, не тяжело ли меня Ален Делону везти к больнице и по коридорам, но то было до тех пор, пока мы не доехали до одного из кабинета, в котором нас почему-то приняли минуя очередь. Я совершенно пропустила момент, когда он успел договориться с кем-то из врачей, но врач пожал соседу руку, и я поняла, что нас ждали.

Вообще я всегда думала, что я суровая сильная женщина, которая и коня остановит, и машину в мороз заведет, не знаю... Может быть, все дело было в том, что Ален Делон был рядом, а может, просто день сегодня крайне паршивый оказался и организм занятый более важными задачами, чем контроль слезных шлюзов, решил не тратить на поддержание покерфейса лишние ресурсы и взялся за запасы запертых слез, высвобождая переполненные шлюзы – слезы в кабинете врача снова покатались по щекам. Я их торопливо стирала не самым чистым рукавом, а они снова и снова упря-

мо набегали на глаза.

– Вас побили?

– Чего?

– У вас ссадина на лице, – пояснил врач.

Стоящий у стены Ален Делон прищурился, разглядывая мое лицо. Я коснулась скулы. Я уже и забыла, что тащила папу на себе и тот завалился на меня в коридоре. Вспомнив про велосипед, на который я упала, я еще и про другую руку вспомнила, раскрыла ладонь, и все на мгновение замерли.

– А это откуда? – спросил сосед.

– На велосипед упала, – не соврала я.

На несколько мгновений повисло неловкое, полное подозрений молчание.

– Вы сегодня выпивали? – нахмурился врач, впери в меня осуждающий взгляд. Стало стыдно.

– Нет. – Щеки малость запекло. Вообще про отца говорить не хотелось, но в голове не появилось ни одной оригинальной идеи, как объяснить, откуда у меня еще одна царапина, а вдохновения на выдумки у меня почему-то не было. – Просто тащила вечером не совсем трезвого родственника домой и неудачно приземлилась на велик в коридоре.

– Сегодня однозначно не ваш день, – улыбнулся доктор. – Ну ничего страшного, сейчас зашьем вас быстренько и...

– Зашьем?! – я почти возмутилась, видимо уверовав, что Ален Делон не врал, но потом, поняв, что доктор ни при чем, посмотрела на «виновника» моих неоправданных на-

дежд. Виновник в этот момент резко решил поразглядывать кулер, а потом и поискать стаканчики для воды.

– Конечно. Сейчас обработаем и зашьем, потом сделаем снимок коленки.

Дальше приятного было мало, но мне, к собственному удивлению, хватило выдержки вести себя адекватно, хотя хотелось подорваться с кресла и бежать куда глаза глядят, и неважно, что с моей коленкой, это было бы провальное решение. Звук металлических инструментов рикошетом бил по нервам, но я держалась. Сцепив зубы, пережила сначала извлечение осколка, закусив губу при обработке раны, а потом и самый долгий и самый неприятный процесс – зашивание раны. Кусая щеку изнутри, я насчитала девять стежков... Или как это правильно называется? Наложили мазь, забинтовали, переключились на другую руку, тут, к счастью, ничего зашивать не пришлось, но царапины обработали и вторую руку тоже забинтовали, а потом отправили на рентген коленки.

– Думаю, тут все в порядке, но проверим на всякий случай, – прокомментировал врач, отдавая какую-то бумажку поднявшемуся на ноги при нашем появлении соседу.

После пережитого меня немного отпустило... Хотя не немного, я поняла, что дальше уже не так больно будет, поэтому отпустило меня резко, мозг получил зеленый свет, перестав задействовать резервы организма, и тот решил, что коридор больницы и плечо севшего рядом на стул соседа

идеальное место и время для сна. Это была настоящая борьба с организмом, потому что, с одной стороны, очень хотелось спать, а с другой – было жутко неловко, поэтому я крепилась как могла, стараясь не вывихнуть себе челюсть, пока зевала.

С коленом, к счастью, оказалось все в порядке, ушиб и глубокая царапина, но не настолько глубокая, чтобы ее зашивали, поэтому вышла я оттуда под руку с соседом, наконец поверившим, что я могу идти. Ссадину на лице тоже обработали, и в начале второго ночи мы покинули больницу.

Страх отпустил и стало неловко. Пока мы шли до машины, я, краснея, пробубнила несколько раз спасибо, попутно перебирая уместные темы для разговора, чтобы не молчать... Обстоятельства были так себе, мне помог человек, который несколько месяцев просил меня продать ему дом, хотя формально просил его прораб, я фактически вытрясла с него неадекватно большие деньги за землю, а теперь еду с забинтованными руками в его машине и вообще мое спасение его заслуга, как бы я сама справлялась с той ситуацией, не ясно... Но как бы оно ни было, стыдно мне было недолго, я зря волновалась о неловкости в машине, потому что преодолеть ее мне помог крепкий сон на плече у соседа. Хорошо, слюни ему на плечо в благодарность не напускала...

Если бы можно было буквально сгореть от стыда, я бы испепелилась как только проснулась.

– Приехали, – неизвестно в который раз повторил Аллен

Делон, коснувшись кончиком пальца моего носа. Видимо, он так будил меня некоторое время, потому что водителя за рулем уже не было, а машина стояла напротив ворот моего дома.

– Ох... ой! – Очнулась я, садясь ровнее и оглядываясь. – Как это я вырубилась...

– Это был долгий день, – улыбнулся Ален Делон, а я залипла на его улыбку, а еще от него очень приятно пахло. Непонятно, что за смесь запахов была в его парфюме, но пахло так потрясающе, хотя аромат уже прилично подвыветрился, смешавшись с запахом автомобиля, больницы и прохладного воздуха. Хотя даже так пахло приятно.

Эх, красивые мужчины – это всегда беда, всегда угроза сердцу разбиться если не сейчас, так через время, потому что в них наверняка влюбляются все, кто их видит, поэтому мне ни в коем случае нельзя было этого допускать, хотя атмосфера между нами была какая-то странная. Сосед, откинувшись на спинку заднего сиденья, смотрел на меня и не спешил выходить, и я замерла, не зная, что сказать.

– Меня Маня зовут. В смысле Маша.

– Саша. – Он протянул руку для рукопожатия, я протянула свою забинтованную, и он совсем чуть-чуть сжал ее.

– Спасибо. – Щеки припекло и захотелось куда-нибудь спрятать взгляд, но эти попытки сделали ли бы ситуацию еще более неловкой, чем она была, хотя сосед имел расслабленный и даже довольный вид, во всяком случае мне так пока-

залось.

– Не за что.

Снова повисла тишина, и я наконец обратила внимание, что на улице светлее, чем должно быть в два часа ночи.

– А сколько времени?

– Почти четыре.

– Ого. Это сколько же я спала... – Стало еще более неловко.

У меня закончились абсолютно все идеи, что можно сказать, поэтому я просто отчаянно покраснела, надеясь, что мое перегревшееся лицо не освещает алым цветом салон машины. Сосед рассмеялся, сказал, что все в порядке, и, открыв дверь, помог выбраться из машины. Нога болела, в больнице мне казалось, что не сильно, но, проснувшись, поняла, что сильно, но терпимо. Пришлось взять его под руку и кое-как ковылять к дому. Я рассчитывала увидеть валяющиеся на земле вещи, но все было поднято и аккуратно сложено на веранде. Связка ключей была там же. Я собиралась открыть дверь сама, но не успела, сосед сам открыл замок и сначала пропустил меня, а потом еще и вещи занес в дом.

Это было похоже на катастрофу. Не знаю почему. Мне просто было очень неловко от самого факта, что кто-то позаботился обо мне, что этот кто-то мой сосед, который хочет купить у меня дом, которому я портила нервы столько времени, и ко всему прочему, он еще и красивый. Я все это время утешала себя тем, что у него наверняка премерзкий

характер, но с премерзким характером людей в больницу не возят. Ну и самое главное, меня добивало чувство собственной беспомощности. С этим я просто не могла смириться, а тем более с тем, что кто-то стал свидетелем этой беспомощности. Хотелось взять ножницы и подрезать киноленту событий, вырезав весь прошедший вечер, за это я готова была и домом откупиться.

– Спасибо большое, – неизвестно уже в который раз за вечер или утро сказала я.

– Не за что, – снова повторил он. – Нужна ещё какая-то помощь?

– Нет, спасибо.

Я уж думала, он наконец уйдет и даст мне возможность проораться в подушку, но нет, он решил еще разок ошарашить меня.

– Дай свой телефон. – Я уже хотела спросить зачем, но он и сам пояснил: – Нам еще нужно решать вопросы по земле.

– Ах да, точно...

Я продиктовала номер, еще два раза сказала спасибо и с трудом закрыла дверь. Вот как теперь отказать ему и не продать дом? Хотелось саму себя стукнуть разок, но я уже стукнулась, хватит с меня. Плюхнувшись на скрипучий диван рядом с камином, который еще ни разу не разожгла, я оцепенела на четверть часа.

Нужно уже просто продать дом и не рвать себе душу. Завтра позвонит, попрошу все быстро оформить и разойтись.

Хватит с меня этих приключений, а потом уеду куда-нибудь на море и там себе куплю еще одну халупу подальше ото всех. Вот и все. Или вообще трейлер себе куплю... Хотя нет, трейлер слишком страшно. В доме-то одной страшновато спать, а в трейлере тем более. Надо будет поискать, что там продается и за сколько.

Глава 8

Я надеялась, что получится быстро уснуть, делая ставку на стресс, но, видимо, те два часа в машине перезагрузили немного голову, и сон не шел. Ален Делон – Саша – ушел, а я, с трудом переодевшись, завалилась на кровать и, пролистав ленту, устала в потолок. Нужно отправить сообщение Катьке, что не выйду, нужно что-то решать, но в голову ничего не шло, хотелось просто спросить у потолка: «Почему я?»

Ну, я правда не понимала, почему я? Где я так налажала в прошлой жизни, что в этой у меня все через одно место. Купив этот дом и влюбившись в него с первого взгляда, я думала, что ничто не способно теперь испортить мне настроение, но жизнь приняла это за вызов и принялась пинать меня день ото дня. Папа запил. Очевидно, так быстро эта котова-сия не кончится, а я теперь не помощник, и это только на первый взгляд круто, а на второй – мама обидится. В нашей семье только смерть является уважительной причиной, все остальное воспринимается как попытка увильнуть. Хотя я наговариваю, но почему-то перед мамой появилось странное чувство вины за то, что я в ближайшее время помочь с папой не могу, а он скорее всего уже сегодня вечером предпримет попытку сбежать и где-нибудь выпить, попутно устроив маме скандал, потому что она его не пускает. Хотя, возможно,

все дело в том, что я не хотела подбрасывать ей плохих новостей, у нее и так веселье на ближайший месяц. Ну почему все так не вовремя? И у Катьки один из сотрудников заболел, а тут еще и я...

Чувство, что жизнь выставит мне счет за мою травму, нарастало. Я из тех людей, которые придут с температурой на работу, но вот с защитой рукой... Я, честно говоря, думала, что смогу и с защитой, но процесс расстегивания пуговицы на собственных джинсах был слишком выматывающим, чтобы я тешила себя иллюзиями. На огороде теперь тоже ничего особенного не поделаешь в ближайшее время. То я у мамы пропадала, а теперь у меня руки нерабочие, как и нога. Ко всему прочему, смысл мне что-то делать в доме, который придется продавать? Теперь пребывание в нем было мукой, но даже если бы я его не продала, мне что, на красавчика Алена Делона смотреть через забор?

Он мне понравился. Добрый, сильный, пахнет от него вкусно. Один недостаток – красивый. Ну ладно, еще один – богатый. Ну, при деньгах во всяком случае. На такой соблазнительный пирожок наверняка не одна девушка засмотрится, а у меня так точно шансов нет. Ща лето наступит, солнце жарче станет, и мне еще и все лицо веснушками осыпет, которые ничем не выведешь, да еще и с нашей семейкой развеселой...

К концу размышлений о тяготах жизни захотелось поплакать, но вместо этого я решила отвлечь себя просмотром

документалки про маньяка. Ничто так не отвлекает от грусти и печали, как мысль, что по твоему заднему двору вот прямо сейчас может лазить какой-нибудь сумасшедший. Притащив все вкусняшки какие купила, забралась в постель, включила обогреватель и передачу про маньяка, который забирался в дома. Самое то что нужно, чтобы не париться о мелочах на фоне того, что я дома одна и кто-нибудь может влезть в окно.

Когда спустя пару часов в дверь кто-то постучался, я подпрыгнула на постели, чуть не поперхнувшись бутербродом с колбасой. Мурашки ужаса пробежали по всему телу вместе с холодком. Затолкав остатки бутерброда в рот и выбравшись из-под одеяла, усыпанного крошками, я выглянула из темного закуртка, где находилась кровать и солнечные лучи почти не доставали, и посмотрела в зал. Кажется, на улице солнечно, и я решила, что в такую прекрасную погоду вряд ли маньяк будет убивать. В моей голове маньяки убивали только в пасмурную погоду или ночью, а раз сейчас не пасмурно и не ночь, то можно не волноваться, но я все равно волновалась.

Доковыляв до двери, я посмотрела на себя в зеркало и подумала, что у меня есть все шансы спугнуть маньяка. Это придало мне немного уверенности в себе.

– Привет. – На пороге стоял мистер безупречность и улыбался так ослепительно, что сначала захотелось зажмуриться, а потом закрыть дверь, но чувство благодарности пнуло совесть, и я выдавила улыбку, машинально стряхивая с фут-

болки крошки от бутерброда и печенек.

– Привет.

– Я сейчас в город еду, может быть тебе что-то нужно в аптеке?

Никогда не могла подумать, что такой просто вопрос может озадачить меня на пять минут. Я просто стояла и смотрела на него, не понимая, где в матрице сбой. Его нужно было срочно найти и пофиксить. У нас тут все в соседях такие добряки или только мне повезло? Хотя как повезло? Еще недавно его прораб мне жизни спокойной не давал, требуя продать дом. Может, у них двоих тактика теперь такая? Надеются, что я им бесплатно дом отдам? Это они зря. Я женщина меркантильная, у меня ни ума, ни таланта, деньги с неба на мою голову не упадут, так что это они зря, конечно.

– Ау... – Алэн Делон помахал перед моими глазами рукой.

– Все в порядке?

– Э-э-э... да... – Несмотря на ответ, из ступора так быстро не выхолят, и я продолжала озадаченно смотреть на красавчика, видимо наконец своей реакцией смутив и его.

– Я подумал, что ты, возможно, сейчас не сможешь сесть за руль. Если что-то нужно, скажи.

Он, кажется, смутился, и я наконец пришла в себя и тоже смутилась. Ну, за компанию. Нельзя людей в одиночестве оставлять, нужно мимикрировать под обстоятельства, но я не намеренно, а самонепроизвольно.

– Да вроде не надо ничего... – пробормотала я, смотря на

дверной косяк, он ведь такой интересный, гораздо интереснее красавчика передо мной.

– А бинты у тебя есть? Перекись?

– Э-э-э... – Вообще у меня не было ничего, кроме жидкости для снятия лака, ватных дисков и ножничек маникюрных, и вспомнила я об этом, когда он меня спросил. Ну и обезболивающее в сумке. – Я не знаю... вряд ли тут что-то есть. Наверное, нет...

– Дай мне, что тебе врач выписал, я куплю.

Я бы еще наверное выпала в астральный план минут на пять, но он сделал шаг вперед, и я по инерции отошла в сторону, пропуская его в прихожую. Это что еще такое, черт возьми, спрашивала я саму себя. Какого черта? Так, ладно... он там, что-то про бумажку спрашивал... бумажка... где бумажка?

На заставленной вчерашними покупками кухне бумажки не оказалось, и я поняла, что она может быть в моем лежбище... господи, а там срач! Кровать, еда и планшет с передачей про маньяка.

– Кажется, она в спальне, – опомнилась я, торопясь в свою конуру под лестницей, которую только у таких оптимистов как я повернулся бы язык назвать «спальней».

Хорошо, я додумалась купить шторку и повесить ее так, чтобы можно было скрыть кровать, поэтому, оперативно забежав в свое подполье Гарри Поттера под лестницей, хотя

у меня там попросторнее было, я резво задвинула шторку, пряча срачельник, потому что ни одни аргументы рассудка не могли убедить мою фантазию в том, что нам совершенно ничего не светит. Сердце верило в чудо и требовало спрятать от потенциального жениха то, что мужья обычно видят после свадьбы. Рано ему еще, бедненькому, пугаться.

За десять минут мое зрение не успело мутировать в кошачье, потому поиски в темноте бумажки были не самой удачной затеей. Фантики, на мой взгляд, шелестели так, будто где-то рядом с жутким хрустом падает дерево. Ко всему прочему, нервничая, я уронила планшет, который был еще и на зарядке, а та следом утянула за собой полупустую кружку и пустую тарелку с вилкой. Все это с громким звоном посыпалось на пол.

– Только не заходи, – замерев, тихо прошептала я, но мои молитвы вселенная не услышала.

– Все в порядке? – Принц заглянул за шторку и улыбнулся, разглядев меня в куче фантиков и разлетевшихся от тарелки во все стороны осколков. Он прикусил нижнюю губу, явно пытаясь сдержать улыбку, но у него ничего не вышло, и он просто отвернулся на мгновение, пытаясь, видимо, вернуть себе самообладание. Собравшись с силами, снова повернулся и не сдержал смешка.

– Тебе кто-нибудь говорил... – его немного потряхивало от подступающего смеха, – что ты похожа на домовенка Кузю? – После этих слов он рассмеялся и, выпрямившись, от-

пустил шторы, надеясь видно за ней спрятать свой приступ смеха, но на это он зря рассчитывал, потому что с солнечной стороны был прекрасно виден его смеющийся в кулак силуэт.

Неизвестно какой раз за двое суток я почувствовала, как нагревается мое лицо. Наверное, на нем можно было поджарить глазунью. Припекло даже уши. Стыд и паника помогли моими забинтованными руками запихать по карманам штанов все фантики, кроме разве что пачки от чипсов, ее пришлось затолкнуть под диван. Как только я оперативно провела маскировочные мероприятия, шторка снова отодвинулась, и улыбающийся Ален Делон обвел взглядом мою «спальню».

– Давай я помогу. А то еще обрежешься.

– Н-не надо.

– Давай, давай.

В общем, я решила не спорить и сбежать за веником и совком. Он обвел спальню в поисках фантиков, поскольку явно не мог их не заметить, а потом его взгляд переместился на выпирающие карманы моих штанов с капибарами. На его лице снова задрожала улыбка, которой оказалось недостаточно, и он засмеялся, а за ним и я следом... Ну правда, это было настолько нелепо, что даже смешно. Мы просто стояли и смеялись.

– Не смешно, – наконец шикнула я.

– Прости. – Он посторонился, пропуская меня.

Что-то появилось тогда между нами. Какая-то полупро-

зрачная тонкая нить. Нечто большее, чем ничего и предстоящая сделка.

Вытряхнув из карманов фантики, я достала веник и совок и вернулась в «спальню». Отдала ему, стараясь не смотреть на свою скомканную постель и две плюшевые игрушки на ней. Блин...

Он смел осколки, вытряхнул их в ведро, которое я тоже принесла, и поднял кружку с вилкой.

– Так где бумажка? – снова улыбаясь, спросил он.

– Там где-то... – пробормотала я и снова ринулась на поиски бумажки, перерыла всю кровать, потом вспомнила про комод в прихожей и побежала к нему. Там пропажа и нашлась.

– Отлично. – Он забрал бумажку и снова улыбнулся, бросая на меня лукавый взгляд. – Может, в магазине что-то нужно?

– Ничего.

– Точно?

– Да.

Даже если бы мне что-то было нужно, я бы не сказала. В тот момент я хотела, чтобы он поскорее ушел и мое лицо остыло. Так неловко я себя сто лет не чувствовала. Думала, что я циничная, во всем разочаровавшаяся женщина, а тут покраснела как свекла и не знала, что сказать. Позорище. Когда он ушел, я еще минут пять стояла у двери и пыталась найти какие-то аргументы в пользу того, что это нормально,

когда фантики валяются. И вообще, я его не ждала и заболела. Может, в конце концов, заболевший человек разбросать фантики и не заправить кровать? Может конечно, но самоушшение помогло слабо, но его улыбка... От нее становилось неловко, смешно и как-то прикольно. Весело и тепло где-то в груди.

Ну, у всего есть свои плюсы, я с маньяка переключилась на уборку в доме. За ночь было съедено почти все, что можно съесть без готовки, а до магазина с продуктами мне теперь непонятно как добираться... Доставка сюда стоит бешеных денег. В общем, стыд и неловкость запустили во мне какую-то атомную электростанцию, и я умудрилась даже полы одной рукой в перчатке помыть. Качество помывки так себе было, потому что виртуозно орудовать шваброй одной рукой я пока не научилась. Следом оттерла менее травмированной рукой недомытое окно рядом с лестницей и решила приготовить рассольник.

Вообще идея эта была идиотская, но заботиться обо мне некому, а магазины далеко, поэтому кое-как, придерживая овощи фактически запястьем, нашинковала как получилось, обжарила и забросила в воду. Бульон готов был еще вчера, хорошо курицу из него я не всю доела... Пока возилась с рисом, решила еще и плов студенческий сделать, ему меня бабуля научила. Суть его в том, что вместо мяса, между слоями риса выкладывали яйца, в детстве для меня еды вкуснее не было, чем этот плов. С яйцами возни мало, поэтому справи-

лась я быстро.

Закончив с готовкой и уборкой, вскипятила чайник, но настроение пить чай испарилось после короткого разговора с мамой. Рассказала вкратце о своих вчерашних приключениях, испортила настроение ей и себе, доготовила, выключила плиту и, поставив телефон на зарядку, забралась под одеяло в своём лежбище и отключилась.

Глава 9

Бывает такое дурацкое время, когда жизнь совершенно неожиданно встает на паузу, хотя совсем недавно казалось, что мир заиграл новыми красками и дальше точно будет что-то интересное, но неожиданно набежали тучи и в душе стало так пасмурно, что хоть на луну вой. Ничего не хотелось. Просмотр вереницы предложений о продаже домов навевало еще большую тоску, но благодаря маминим голосовым сообщениям совсем уж скучиться не вышло просто потому, что мама решила переключить вектор папиного внимания с бутылки на ребенка. То бишь на меня. Завелась, видимо, с утра, как отец проснулся, и наговорила ему, что это все потому, что он на меня упал и я на банку налетела. Мне же полагалась почетная роль невинной жертвы пьяного тяжеловеса. Папа, конечно, начал звонить и извиняться, порываясь приехать, пришлось выдать мамину тайну и сказать, что руку я проткнула на огороде, а с ним я, да, тоже упала, но не сильно и поцарапалась. Ну, по сравнению с проткнутой рукой, не сильно, во всяком случае сейчас я уже избавилась от бинта на правой руке.

Папа немного успокоился, но не особо, и начал настойчиво проситься ко мне, конечно, чтобы проверить, как там я и моя рука с коленкой. Мамин голос на заднем фоне кричал, чтобы я ехала к ним, они обо мне позаботятся, а ему за руль

нельзя, тем более папину машину забрал эвакуатор с платной парковки, на которой он ее забыл. Что снова было ложью. Папа снова испугался и запричитал «как же так», а мама, войдя во вкус, раскричалась еще сильнее, делая ставки, какой счет придет за парковку.

Становиться свидетелем этого похожего на миллион предыдущих конфликта не хотелось, но выхода словно и не было. Положить трубку? Ну так я положила, папа перезвонил через четверть часа, чтобы узнать про машину. Судя по всему, брату он еще не дозвонился, и тот не утешил его тем, что все с машиной в порядке и она у него, поэтому это пришлось делать мне.

– Да у Ромки машина твоя, но на платной стоянке она и правда неизвестно сколько стояла.

– То есть ее не увезли на штрафстоянку?

– Нет.

– Слава богу... – выдохнул отец, послышался щелчок зажигалки. – Доченька, давай я к тебе приеду?

– Нет уж, спасибо. Хорошего понемножку. Мне от общения с вами слишком хорошо. Как бы не помереть от счастья.

Папа рассмеялся и снова предложил приехать к ним.

– А то ж она меня сожрет, – закончил он.

– Ты надеешься ее на меня переключить? Очень галантно. Нет уж.

– Ну почему сразу на тебя? Посидим, поговорим, как ты там сейчас со своим коленом-то и рукой? За руль же не ся-

дешь? Приезжай.

– Нет. – Папе было проще говорить «нет», но тоже не всегда, сейчас, судя по голосу, он явно был в стадии увеселения, когда, общаясь с ним, думаешь, какой же чудесный и добрый человек, но это временное явление, наверняка он вот-вот найдет способ еще выпить, и агония с его спасением продолжится. Хотелось держаться от этого всего подальше, но это, как в черную дыру, беспощадно затягивало, несмотря на сопротивление. – Пап, ты можешь не пить? Пожалуйста, я тебя прошу.

Не знаю, сколько раз в своей жизни я повторяла эту фразу, толку от нее все равно никакого не было, но каждый раз, как в первый, всегда на что-то надеешься, хотя понимаешь, все это безнадежно. В такие моменты я вспоминаю, почему решила быть одна. Лучше одной, с десятью котами, чем вот так.

– Да кто пьет-то?!

Папа еще что-то говорил, но в его голосе была какая-то сценическая гипертрофированная эмоция, раздутая и ненастоящая, такая, за которой прячется настоящий ответ. Мы оба знали сценарий. Он сейчас вернется домой, мама продолжит его пилить, внушать ему что-то по десятому кругу, параллельно подливая суп и подкладывая котлеты, от которых он все равно есть отказывается, а потом они поменяются ролями, папа разозлится, уцепившись за какое-нибудь слово или реплику, рявкнет что-нибудь, обозвав маму, та заплачет,

а он уйдет, а она позвонит сначала брату, скажет, что отец сбежал и надо его ловить, а потом будет звонить мне и пересказывать все, что он сказал.

– Господи...

Показалось, будто вокруг поясницы завязали веревку с тяжелым камнем на конце, который потянул меня в знакомое холодное ущелье. Ущелье злости, апатии, усталости и обреченности. Мы все равно, хочу я или нет, вновь пройдем все мерзкие стадии этой ситуации. Его долгий запой, мамины нервы и слезы. Давно я в этом не варилась, сбежав на учебу в столицу, но теперь я тут и меня опять затягивало в привычное семейное болото. Возможно, так нельзя говорить, но чувствовать самой себе невозможно запретить, хотя очень хочется. А чувствовала я себя в болоте, из которого нам всем удавалось ненадолго выбираться, но потом мы неизбежно соскальзывали туда снова, утягивая за собой друг друга.

Позвонил брат, хотел попросить меня поехать к родителям, пришлось рассказать, что у меня с рукой. Он вздохнул. Слова не требовались. Мы все всё прекрасно понимали, никто не хотел участвовать в этой ситуации, но оставлять маму, когда она без остановки звонила каждому из нас, было бы ужасно с нашей стороны. Поэтому брат поехал к родителям на ужин, принося сегодня в жертву самого себя. Хотя участие брата было нежелательно, потому что он тоже мог и выпить с отцом, мы с мамой очень боялись, что и он начнет, как папа, пить, но пока он вроде встречался с девушкой и все

было в порядке, поводов для беспокойства не должно быть, но папа мог и предложить, а Рома мог и согласиться.

Ситуация в перспективе продолжала разрастаться как снежный ком. Между звонками я снова залезла в объявления о домах и изменила название города. Нужно уехать куда-нибудь подальше, но... достаточно быстро внимание ускользало в поиск причин, почему я имею право уехать в другой город и почему нет... По идее, когда ты «обычный» человек, то можешь уехать, но когда у тебя семья, которая нуждается раз в полгода в полном резерве всех «спасателей» какие есть, уехать уже сложнее, потому что нет тому никаких причин, кроме как «предательства» родных, иначе зачем тебе уезжать от них? Ты их что, не любишь? Или ты неблагодарный и жестокий человек, готовый бросить пожилых родителей на произвол судьбы? А я такой совершенно точно не былв или может быть была... Не знаю, я не хотела никого бросать, но на пороге очередной этап борьбы с алкоголизмом, и я совершенно точно не хочу в нем принимать участия и не принимать тоже не могу. Мозг ищет какие-то альтернативы, но, кроме отъезда, их нет, все, что можно было сказать, уже сказано множество раз, все, что можно было сделать, тоже сделано, ничего нового в нашем общем сценарии не предвидится, и от этого опускались руки.

Мой отъезд на учебу в другой город и так был воспринят как намеренная попытка убежать и, положив руку на сердце, стоило признать, что так оно и было на самом деле. Я спе-

циально подавала документы в институты в других городах, хотя мама просила подать в нашем городе. Для галочки я так и сделала, но молилась небесам, чтобы в местные меня не взяли, хотя надежды те были напрасные, с моими баллами я проходила на бюджет.

Дав «взятку» родителям, что поступила по специальности, по которой они хотели, я рассчитывала «подсластить пилюлю», но зря, это смягчило ситуацию только на первое время, потом, когда стало известно куда я поступила, началась моя «черная ночь», потому что меня приняли и в местный институт, и в столичный, и маме, как оказалось, было совершенно все равно на престиж учебного заведения, она требовала, чтобы я училась тут, обещая, что ни копейки мне с собой не даст, но тогда меня поддержал папа и почти каждый месяц присылал сколько мог, но я как могла все равно подрабатывала.

Постепенно мама смирилась, выжидая, когда закончится моя учеба и я вернусь, но я не вернулась. Тут настал второй этап безумия. Мама ругалась и скандалила, папа расстроился и в очередной раз запил. Ну, со слов мамы из-за меня. С каждым днем я сдавалась, склоняясь к тому, что стоит все же вернуться, ведь по специальности я все равно работать не собиралась, эта профессия была просто не для меня, и работала я в местном салоне красоты. У меня остались в Москве друзья, которые регулярно звали обратно, но последней точкой в моем решении стала бабушка.

Отношения у мамы с бабушкой всегда были, мягко скажем, натянутыми, а не мягко – ужасными. Они, казалось, ненавидели друг друга, но бабушка умудрялась еще и не любить собственного сына, но, к всеобщему удивлению, любила меня. «Бабушкиной дочкой» называли меня в шутку, но шутка та была лишь на первый взгляд легкой, на самом деле моя похожесть с бабушкой стала моим бременем и особой виной перед мамой. «Вся в свою бабку ведьму», «их порода», ну и еще множество похожих эпитетов. Все мои «talанты» и «способности» были от бабушки, и за них я тоже почему-то чувствовала вину и стыдилась, стараясь лишний раз не отвечать. Все было не просто, бабушка тоже, несмотря на хорошее отношение ко мне, умудрялась ругаться не только с мамой, но и папой. Порой мне казалось, что я нахожусь в окружении старых детей, конфликтующих из-за всякой чепухи. Ну, лично для меня все их разборки казались несостоящей конфликтов чепухой, но то для меня. Мама же не забывала обновлять в моей памяти события из ее прошлого о том, как поступила бабушка, когда родился брат, как она обижала маму и какие жестокие слова ей говорила. В такие моменты мне хотелось извиниться за бабушку, и я стыдилась проявлять к ней симпатию, старалась лишний раз не звонить, но что-то общее было между нами, что было только у меня и у бабушки, какой-то пазл души, который был от нее и который я не могла просто вырезать из себя и выкинуть, поэтому, так или иначе, с бабушкой я все равно общалась. Поэтому, ко-

гда она сломала шейку бедра, я поняла, что наступило время возвращаться, потому что никто не будет заботиться о ней, кроме меня.

Отработав последние недели, я получила расчет и вернулась домой, проведя последний год с бабулей. Год прощания. Бабушка была уже другой, не той, что в детстве, эта бабушка была призраком себя былой, но ее высохшие руки и волосы, ее упрямые и любящие глаза хранили память той жизни, того прошлого, свидетелями которого мы обе были и в которое нам не вернуться больше никогда. Когда мне было плохо, бабуля накрывала меня большим покрывалом, кутая в него как в пелену и затаскивала к себе на колени. Стыдно вспомнить, но я, наверное, лет до десяти рыдала на ее руках, закутанная в покрывало, потом она меня уже на руки поднять не могла, но в покрывало кутать все равно продолжала. Было в ней что-то восточное, благодаря чему она всю жизнь проходила в платке и меня в него пыталась завернуть, но я не хотела, а сейчас мне остро захотелось во что-нибудь завернуться, поэтому, вытащив большой стеганный плед с абстрактным рисунком гор и солнца, я вышла на терраску и, закутавшись в покрывало, забралась в кресло.

Отец говорил «окуклилась», когда я так куталась в одеяло и замирала, падая куда-то в глубину себя. Так я сделала и в этот раз. Когда не было никаких идей, что делать дальше, когда жизнь непонятно чего ждала от меня, снова оставляя на развилке, я кутаюсь в одеяло и замираю, смотря перед со-

бой. Бесплезная суета в сознании замирает, извилины цепенеют и я просто смотрю в никуда, пока все чувства не улягутся и не потеряют свою остроту. Сколько я так просидела, не мигая и смотря в одну точку, неизвестно, но вывел меня из оцепенения сосед, снова нагло пробравшийся на мой участок через забор за домом.

Ален Делон медленно приблизился, наклоняясь вперед и заглядывая под козырек из одеяла.

– Фух! – выдохнул он, улыбаясь. – Я подумал, ты просто одеяло забыла на кресле в форме... – Он в воздухе очертил фигуру, напоминающую мой кокон. – В форме тебя.

– Привет, – выдавила я улыбку, спуская ноги с кресла на пол и возвращая телу подвижность и ощущения.

– Привет, – отозвался сосед, с тенью беспокойства разглядывая меня. – Все в порядке?

– Да.

Можно подумать, я ему скажу «нет».

– Я звонил, но ты не ответила, поэтому решил зайти.

– Сколько времени? – Небо было лиловым, с алыми облаками у самых моих ворот, а крыши домов соседей едва-едва улавливали последние солнечные лучи.

– Восемь.

– Ого...

Ален Делон смотрел на меня, а я на него смотреть не хотела, точнее не могла, взгляд почему-то блуждал где угодно, но мимо него. Не знаю почему. Почему-то смотреть на

него в этот момент было слишком откровенно. Словно глаза как двери души, распахнутые сейчас настезь. Что говорить и делать, я тоже не знала, стоило, наверное, пригласить на чай, но не будет ли это выглядеть как подкат отчаявшейся? Мои комплексы, как могли, берегли мою хрупкую самооценку, тем не менее не облегчая мне жизнь. Да еще и он молчал совершенно бессовестно, мог бы уже что-нибудь сказать или предложить. Например, предложить обсудить подписание документов, но он почему-то не спешил. Устав теряться в догадках, я вежливости ради предложила чай, понадеявшись, что он откажется.

– Не откажусь, – не оправдал он моих надежд.

Сдерживая себя, чтобы не закричать, как бабка старая я поднялась с кресла. Немного повело в сторону, и под руку меня подхватил галантный мужчина моей мечты, который, конечно, достанется какой-нибудь тощей лахудре, дабы я страдала всю жизнь от скорби по этому поводу... Почему-то вспомнились советская русалочка и та глазастая мымра, с которой принц перепутал свою истинную спасительницу. Все детство я не могла понять, почему русалочка не навалила этой тетке. Я долго страдала негодую, пока в своих фантазиях не представила себя на месте русалочки (та немножко попухлее стала в моем воображении и с моим лицом), я схватила эту черную принцессу и... В общем, в моей версии русалочки морской пеной стала принцесса, а я, значица, вышла замуж за принца и еще с ведьмой потом поквиталась,

чтобы голос вернуть.

Вот это я понимаю хэппи-энд, а не то, что светит мне... Надеюсь, он не рассчитывает, что, раз он такая булка милая, я возьму и подпишу ему свой участок бесплатно или со скидкой. При мысли, что его обнимет какая-нибудь тощая девка, мне подурнело, и когда я дошла до кухни, то почувствовала духовную близость с ведьмой из морской пучины. Лучше и правда переехать, чтобы я еще и его не притопила где-нибудь в ручье от ревности на которую не имею права.

Достав чайник, я залила воду, вытащила свои любимые кружки с цветочками и открыла большую коробку с чайным ассорти, отдала ему.

– Тут без ароматизаторов, – прокомментировала я набор.
– Выбирай любую. А я пока документы принесу.

Почему-то при этих моих словах мне показалось, что он немного удивился и, может, мне померещилось, но чуть-чуть расстроился. Хотя, возможно, это не более чем мои выдумки. В этот раз мне было не стыдно за обстановку дома, потому что я, несмотря на руку и пострадавшее колено, умудрилась навести порядок. Документы лежали на камине, который непонятно как разжигать и чистить. Взяв папку, я протянула ее ему.

– Я их подписала. – Смотря мимо него и забирая из его рук выбранный пакетик с чаем (оказался с земляникой, я тоже такой люблю больше всех остальных), вернулась к плите. Раскладывая пакетики по кружкам и думая, чем себя занять,

пока закипит чайник, а этот засранец не спешил спасти меня от неловкости.

– У меня еще суп есть, – брякнула я и пожалела. Вот кто, спрашивается, меня просил?! Наверняка это выглядело так, будто я пытаюсь протоптать дорожку к его сердцу через желудок. Есть у меня одна подружка, у нее мужик налево каждую неделю ходит, а она ему рубашечки наглаживает и борщи варит. Фу, блин. Может, соврать ему, что супа нет, а у меня биполярка?

А он еще так улыбнулся радостно, что врать про суп стало совестно.

– А что за суп?

– Рассольник.

– Ух ты! Мой любимый суп!

Ну надо же, сколько совпадений. Прямо ты морячка, я моряк. Жаль, только на разных бережках. Пока в голове шел бой между скептической стервой и наивной влюбчивой идиоткой, я достала тарелку и налила суп.

– Тарелка с принцессой? – Он ехидно улыбнулся, забирая ложку и откладывая документы в сторону.

– Ага. Если все не съешь, бедняжка утонет.

Он рассмеялся это детской пугалке и взялся за суп. Я переживала за неровно нарезанные овощи, но зря, судя по тому, как споро Аллен Делон наяривал суп из тарелки с принцессой, эстетическая составляющая его заботила мало. Я подумала, что, возможно, стоило предложить хлеб, но скорее

всего я бы не успела, молотил он быстрее меня.

– Может еще? – уточнила я на всякий случай, когда содержимое тарелки исчезло за две с половиной минуты.

Вот только не говорите мне, что это тот тип людей, которые жрут и не толстеют. Их существование – мое личное кармическое воздаяние. Он не отказался, и к концу второй тарелки закипел чайник.

– Очень вкусно. Спасибо.

– Пожалуйста.

Поставив перед ним кружку и банку нутеллы с ложкой для него, села напротив, подогнув под себя здоровую ногу.

– Не знаю, ешь ли ты сладкое, но, кроме нутеллы, ничего нет, – пояснила я появление банки.

– Ее обычно на хлеб намазывают.

– У меня только черствый черный.

– Это будет похоже на извращение.

– Я тоже так подумала.

Хотелось улыбаться, и мы улыбались. Немного неловко, но в целом было хорошо. Летящая надо мной туча куда-то исчезла, и мы просто какое-то время молчали и пили чай. Нутелла Ален Делона все же соблазнила, и он залез туда ложкой, а потом взял в руки папку, сердце замерцало горечью и привычно затихло. Ложка нутеллы помогла.

Пролистав листы договора, он остановился на подписях, улыбнулся и посмотрел на меня.

– У тебя фамилия Медвежонкова? – Судя по ехидным гла-

зами, его не столько моя подпись порадовала, сколько фамилия развеселила. Конечно, очень смешно! Сколько насмешек я в детстве претерпела от этой фамилии проклятущей!

– Да. – В интонацию моего ответа была вложена нотка, предостерегающая от глупостей и неуместных шуточек, но он, кажется, и не планировал подтрунивать надо мной.

– А ты мою видела?

Я нахмурилась и отрицательно покачала головой. Честно говоря, на его фамилию я внимания не обратила. Он протянул документы, те снова закрылись, но я пролистнув их куда нужно, открыла последнюю страницу, где рядом с черточкой красовалось «А.В.Волков».

– Волков?!

– Ав, – подтвердил он.

– Волки не лают, – прежде чем рассмеяться, поправила я.

Неловкость и смех. Я не знаю, что это было, но это было – мило, смешно, необычно.

– Лесные жители, – улыбнулся он, отсмеявшись. – Правда, я тут жить не планирую. Этот дом я строю как выставочный образец, буду возить сюда заказчиков, показывать, что мы строим, поэтому мне очень нужна земля, иначе дом стоит слишком близко к забору, смотрится не очень удачно, – пояснил он, перестав улыбаться. Мне тоже было уже не очень радостно. – Я выкупил землю с другой стороны от твоего участка, поэтому если хочешь, если ты не против, я мог бы сдвинуть свой забор вглубь твоего нынешнего участка на два

метра, а твой продвинуть на столько же дальше, даже больше, та земля мне не нужна. Расходы по переносу и установке забора я возьму на себя, а еще сделаю тебе дорожку от калитки к дому, чтобы ты больше не падала.

Не знаю, почему я была несчастлива от такого предложения... Не хотелось себе в этом признаваться, но я была не рада, что он тут не будет жить... хотя... разве не этого я хотела? Чтобы не видеть его и не расстраиваться?

– Ого... это... было бы здорово.

– Ты не против? – Он улыбнулся, и на его щеке появилась милая ямочка, почему я раньше ее не замечала?

– Нет.

Осталось только провести небольшие внушительно-зомбирующие установки, что нужно радоваться, что его тут не будет. Рано или поздно, мне снова удастся вернуться к своему спокойствию и равнодушию и не думать о нем, а еще хорошо, что я ничего не успела на огороде посадить, так было бы обидно, что кто-то перекопает мои посадки. Звезды сошлись идеально. Жаль, на сердце не очень радостно, но это пройдет, мне к этому не привыкать.

Глава 10

Чудо не случилось, красавчик Ален Делон не влюбился в меня благодаря моему рассольнику, но зато территория моего участка стала больше, хотя и сдвинулась немного вбок. Теперь мой домик, раньше стоявший ближе к левому краю забора, стоял с правой стороны. Мы посмотрели, какое минимальное расстояние от дома до забора должно быть, и установили там забор. Того, что сосед добавил к своему участку, вполне хватало ему для «выставочного объекта», ну а мой участок стал даже больше, чем был, благодаря земле с другой стороны участка, которая теперь стала моей.

Несколько раз мы вместе ездили на переоформление всех документов, и каждый раз он был очень галантен. Помогал мне выбираться из машины, сам меня пристегивал, стимулирую мою фантазию на пагубные выдумки и воздушные замки, а я уже не чаяла, когда закончится вся эта бумажная котловасия и наше общение прекратится... Мне казалось, что вот мы сейчас последнюю бумажку подпишем, и он исчезнет; вот сейчас решим, когда забор будут демонтировать, и он исчезнет; вот сейчас решим, какой именно забор будет стоять у меня, ведь в нашу сделку входил забор за его счет и дорожка от ворот до дома, и все, но какие-то мелочи вынуждали нас на общение, от которого я пыталась дистанцироваться и сократить по минимуму, а он почему-то нет.

– Привет. – Саша зашел на участок со стороны леса.

Уже как-то привычно и непринужденно, так, словно для него теперь калитка в моем заборе всегда открыта и я буду рада его видеть... Хотя я и правда была рада. Черти меня подери, но я рада его видеть! При виде него мои своевольные губы растягивались в упрямой улыбке, хотя мне хотелось задавить ее, уголки ненадолго опускались, но потом упрямо поднимались вверх.

– Привет.

– Качели? – Сегодня я видела его впервые не в деловой рубашке и брюках, а в обычной серой толстовке и таких же серых брюках, а еще в кроссовках. Может, он бегал?

– Да. – Оттолкнувшись от земли, я качнулась чуть сильнее. Пришла моя интернет-зарплата, и я купила себе садовые качели. Благодаря моему больничному я взяла еще несколько заказов и неплохо заработала. – Давно хотела и вот купила.

– Классные. – Он сел рядом, и я почувствовала его какой-то особенный приятный запах, который вместе с рецепторами будоражил и душу.

Господи, когда ж он уедет наконец со своего объекта? Когда он только предложил эту идею, сказав, что не будет тут жить, я обрадовалась и решила, что мы увидимся еще пару раз, пока будем оформлять документы, и все. Потерпеть нужно чуть-чуть, но виделись мы почему-то все равно слишком часто, и наше общение постепенно становилось все ме-

нее формальным и все более дружеским. Только френдзоны мне с ним не хватало для полного счастья.

– Завтра придут дорожку делать. Уже определилась, как она будет выглядеть?

– Определилась? – не поняла я, параллельно наблюдая, как Тишка-паршивец, который появлялся перед мои очи, только чтобы поесть и чтобы я вытащила из его шкуры очередную пару клещей, подходит к нам и запрыгивает к нему на колени, давая себя погладить.

– Ну да, какой формы, дизайн? – Саша гладил кота, который, не стесняясь, терся о его руки, урча как трактор.

– Ах ты паршивец мохнатый! – не сдержалась я. – Значит, я тебя тут кормлю, пою, клещей из задницы твоей полосатой вытаскиваю, а ты ему, значит, даешься гладить, а мне нет?!

Сосед рассмеялся, кот мне что-то мявкнул, словно поддакнув.

– Парши-и-ивец! – протянула я. – Переходишь на сухой корм, засранец мохнатый!

– Кстати, про корм... – вставил сосед свои пять копеек и посмотрел на меня особым взглядом очень голодного человека.

– Ты хочешь есть? – предположила я очевидное после нескольких секунд паузы.

Сосед кивнул, кот мявкнул. Стало смешно.

– У меня только солянка и щи...

– Пойдет, – с готовностью кивнул сосед.

– Ой, господи, – вздохнула я, собираясь подняться. – Вам двоим от меня только еда и нужна.

Сказано это было совершенно без задней мысли, поэтому, когда мою руку сжала его рука, я дернулась, совершенно не ожидая этого, обернулась и уставилась на него. Он смотрела на меня как-то странно. Замер и таращился, словно смутившись своих действий. Я решила ему помочь выпутаться из этой двусмысленной ситуации. Вытянула руку из его руки и улыбнулась.

– Да я не против. Я там много приготовила, – «успокоила» я. Он опустил взгляд на наши разъединившиеся руки, а потом снова взял меня за руку, точнее в этот раз за запястье и, потянув к себе, наклонился ближе ко мне. Кот с недовольным мявом сбежал, а я, сомневаясь, не фантазия ли это, как в замедленной съемке констатировала каждый дюйм приближения его лица к моему.

– Это че, правда? – обеспокоился таракан в моей голове из рубки, наблюдая за происходящим.

– Не знаю я... – подергав за ржавый рычаг управления, отвешивающий пощечины, ответил другой. – Рычаг заклинило.

– Не, че, правда, что ли?! – запаниковали остальные присутствующие.

– Да быть того не может!

– Это какой-то баг! Не стоит принимать на свой счет! – вопил в рупор один из тараканов с повязкой «дежурный». –

Не принимаем близко к сердцу! Вообще ничего не допускаем к сердцу!

– Заприте купидонов! – завопил еще один. – Если эти нахалы из сердца проберутся в мозги, нас всех ждет катастрофа! Они же абсолютно безмозглые и слушают только интуицию!

– Дилетанты, – хмыкнул рыжий тараканшице.

– Скорее просто идиоты, – поддакнул рядом стоящий коллега, закончивший доедать наивные аргументы в пользу подозрений на симпатию.

– Наивный тупицы.

Завыла сигнализация и загорелась красная лампочка, еще больше ввергая всех в панику.

– Задраить шлюзы! – загорланил самый крупный таракан.

– Есть задраить шлюзы! – отозвались тараканы, забежав суматошно по черепушке, но было уже поздно, его губы прикоснулись к моим, и весь тараканий совет затопило пушистыми лебедиными перьями, мягкими и щекотными. Они заполняли голову, горло и грудь, руки и ноги... Они набивали собой меня словно плюшевую игрушку.

Я не верила. Думала, он дурачится. И это прикосновение... его губы... Я не могла поверить в то, что происходит, и в первые несколько мгновений он и сам, кажется, сомневался, даже отстранился на мгновение, смотря на меня. Я к тому моменту забыла как моргать, просто тарасилась удивленно на него, и он, очевидно отчаявшись, решился на еще

один поцелуй. Чуть более настойчивый, с рукой на моей щеке. Он не был длинным. Скорее более настоящим, не таким легким, как первый, едва коснувшийся губ.

Как только его губы расстались с моими, я наконец вдохнула. Оказывается, до этого я не дышала. И следом коснулась пальцами губ, проверяя не померещился ли мне поцелуй на них. Он внимательно смотрел на меня, и я совершенно не знала, чего он от меня ждет. Мы просто замерли напротив друг друга, не зная, что сказать. Наверное, он ждал какой-то реакции от меня, но это было совершенно зря, потому что я бы скорее всего сошествию инопланетян на Землю не так удивилась, как этому поцелую. Все это время я всячески отрицала знаки внимания в свою сторону, объясняя их себе банальной вежливостью, галантностью, культурой, воспитанностью, солнечной вспышкой, инфрокрасным излучением и временным помешательством, чем угодно, но только не возможной симпатией. Поэтому поцелуй ввел меня в глубокий ступор, из которого я пыталась выбраться, только это не очень получалось, но, несмотря на это, я решила, что обязана как-то разрядить обстановку между нами и сгладить неловкость, будто за эту тишину я одна несу ответственность и одна должна что-то сделать, поэтому я брякнула первое, что пришло на ум.

– Да я б тебе и так дала... – возвестила я. Брови соседа подлетели вверх. Поэтому я решила пояснить: – В смысле... щи... и солянку.

– Пф... ахаах! – Откинувшись на спинку качелей и запрокинув голову назад, Саша смеялся, а я улыбалась, и какой-то нервный смех вылетал откуда-то из живота, прокатывался по горлу, сотрясал мелкой дрожью плечи и срывался с губ. Я продолжала не верить.

– Ты меня поцеловал, – зачем-то сказала я и сначала посмотрела на огород, ища там понятых, а потом снова посмотрела на него, он перестал смеяться. – Это странно... прикол такой?

– Прикол? – Его брови снова взлетели слишком высоко. – Думаешь, я всех по приколу целую?

– Ну не всех, конечно...

Резерв реплик был исчерпан, и я снова зависла. Тараканы из головы пропали, там теперь зияла пустота, тишину которой нарушило прикосновение к моей руке, которую я снова выдернула.

– Что ты делаешь? – разозлилась я. Вообще это, наверное, должно быть мило, но я знала, что я чудовище, уродливое и толстое, и на меня такие красавчики только в моих фантазиях и могли клюнуть, поэтому я разозлилась. Очевидно, он решил поиграть со мной.

– Не знаю... – Он стал серьезным, отвел взгляд и посмотрел на свои сцепленные в замок руки, а потом снова на меня. – Я не планировал... но ты игнорируешь все мои попытки приблизиться, и не знаю, что меня толкнуло, но я решил: либо сейчас, либо попозже.

– Либо попозже? – нахмурилась я, а на губах задрожала улыбка.

– Ну да, попозже, – кивнул он и тоже улыбнулся.

– Разве не «никогда»?

– Попозже лучше, чем никогда.

Скорее всего это был нервный смех, но в любом случае от него мне стало немного легче.

– Ты носишь очки? – решила уточнить я.

– Очки? – не понял он. – С чего бы?

– Мне кажется, у тебя были очки.

– Были, и что?

– Насколько у тебя плохое зрение? Близорукость, дальность? – предположила я, подбирая варианты в уме.

– У меня хорошее зрение. Очки для ПК. – Саша не понял, к чему я это выдала, и, оторвавшись от спинки, наклонился чуть вперед, заглядывая мне в лицо. – Ты о чем?

– Спрошу прямо... – Я с шумом втянула воздух и с шумом выдохнула. – Ты слепой?

– Что? – не понял он, догадавшись по моему лицу, что я сейчас не шучу.

– Я говорю, ты слепой?! – повысила я голос. – Может быть, еще и глухой?

– Да о чем-ты?! – Он тоже разозлился.

– Ты что, не видишь?!

– Не вижу чего?!

Я вскочила на ноги. Не знаю, во мне просто вулкан злости

разверзся. У него сто процентов есть девушка, а со мной он решил просто повеселиться на досуге, но я ему не игрушка.

– Я страшная! – рявкнула я. – И толстая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.